

Раздел I

Тождественное – различное в понимании языка

Бекасова Елена Николаевна,

Мартыненко Наталья Викторовна

Оренбургский государственный педагогический университет

г. Оренбург, Россия

bekasova@mfil.ru

КРИТЕРИИ РАСХОЖДЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ТОЖДЕСТВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются процессы дифференциации тождеств, существующих в системе русского языка в результате взаимодействия южнославянской и восточнославянской языковых элементов. Возникшие генетически соотносительные корреляты или распадаются в пользу определенного по происхождению члена (*время, солома, нужда, ночь*), или сохраняются с определенной степенью семантической, стилистической, формо- и словообразовательной маркированностью соответствий (*порох – прах, берег – прибрежный, межа – между, вождь – вожак, вожатый*). Специфика подобных расхождений однозначно свидетельствует о значимости системы принимающего языка, а следовательно, и об исконной природе русского литературного языка.

Ключевые слова: церковнославянский язык, восточнославянский язык, русский литературный язык, рефлексы праславянских сочетаний, семантика, стилистика, морфонология, морфемика, генезис русского литературного языка.

Древнерусский литературный язык в процессе своего формирования и становления имел уникальную возможность, как образно определил Ф. И. Буслаев, воспринимать и претворять в свою собственность богатства древнейшего литературно-письменного языка славян [Буслаев 1910: 79], а через него греческого литературного языка как проводника средиземноморской культуры. Это обусловило особый статус генезиса литературного языка. При этом «сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием как теоретической мысли, так и художественного творчества», что «ставит этот язык в совершенно ис-

ключительное положение» [Трубецкой 1990: 125–126]. Такая уникальность развития русского литературного языка не только определяет различия в описаниях языковой ситуации в Киевской Руси и выдвигает диаметрально противоположных гипотез и деклараций его основы и природы, но и, к сожалению, провоцирует появление односторонних взглядов на соотношение в его системе генетически неоднородных элементов и однозначную трактовку преимуществ «церковнославянизмов» [Бекасова 2008; Бекасова 2005].

В связи с этим считаем целесообразным определить критерии отбора в системе русского литературного языка однозначно трактуемых с генетической точки зрения и широко представленных в системе русского языка таких фонетических явлений, как рефлексy *tj, *dj и полногласные / неполногласные сочетания из рефлексов *ol, *el, *or, *er. Многообразие имевшихся и сохранившихся в русском языке образований с результатами восточнославянской и южнославянской реализации праславянских рефлексов, сложность их усвоения и тысячелетнее совместное функционирование позволяет не только определить соотношение восточнославянской и южнославянской по происхождению стихий в процессе становления системы языка, но выявить механизмы «встраивания» в нее тех или иных элементов.

Установившаяся традиция констатации количественного соотношения генетически неоднородных элементов в памятниках письменности и словарях, ориентация на лексические и стилистические критерии отбора, свойственные наиболее популярным в изучении словам с полногласием/неполногласием, не позволяют в полной мере осветить сложную судьбу генетически соотносительных элементов. Тем более, что в судьбе исследуемых групп рефлексов праславянских сочетаний имеются существенные различия вследствие действия фонетического фактора, определившего их расхождения с первого этапа столкновения генетически соотносительных элементов на русской почве [Бекасова 2014 б)]. Южнославянские рефлексy *tj и особенно *dj требовали значительной фонетической ассимиляции и адаптации, обусловившие сложные процессы соотношения, взаимодействия и отбора генетически соотносительных альтернатив, а затем и оттеснения чередований с южнославянскими по происхождению рефлексами /ц/ и /жд/ на периферию русского литературного языка [Бекасова 2005]. Наоборот, неполногласие не противоречило системе русского языка, поскольку «неполногласные фор-

мы типа *градъ*» «сами по себе ничего не значили» и сходные с неполногласными «сочетания типа *трава* были свойственны восточнославянскому языку [Колесов 1989: 267]. Беспрепятственное прохождение фонетического фильтра неполногласными сочетаниями приводит к появлению определенных тождеств типа *город/град, берег/брег, ворон/вран* и под. Именно данное обстоятельство определило в русистике статус полногласных и неполногласных сочетаний как одного из самых показательных противопоставлений двух языков.

Установившийся приоритет группы неполногласие / полногласие среди других генетически соотносительных групп рефлексов потребовал более тщательного изучения ее количественного и качественного состава в истории русского языка, взаимоотношений соотносительных элементов на каждом этапе его развития, что обусловило появление целого ряда специальных исследований. В частности, отталкиваясь от положения Г. О. Винокура о стилистических славянизмах как явлениях не столько генетических, сколько функциональных, ряд исследователей (Р. М. Цейтлин, Т. Н. Кандаурова, Л. К. Граудина, Л. М. Устюгова и др.) выдвигают критерий семантического и стилистического размежевания неполногласных и полногласных коррелятов. Однако такой подход не объясняет целый ряд особенностей взаимоотношений *torot-* и *trat-* лексем в истории русского языка.

В связи с этим необходим конкретный лингвистический анализ системных связей генетических коррелятов в истории русского языка, который позволит выявить критерии расхождения генетически соотносительных тождеств, наиболее ярко представленных наличием в русском языке *torot-* и *trat-* лексем. Такой подход позволяет не только определить специфику взаимодействия и отбора, но и проверить действенность выдвигаемого большинством исследователей лексико-семантического фактора в судьбе полногласных и неполногласных лексем.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от рефлексов *dj и частично *tj, для полногласия / неполногласия определяющими оказались два важнейших фактора. С одной стороны, данный диагностический признак изначально выступал как лексикализованное явление, что существенно повлияло на возможности их генетической соотнесенности. С другой стороны, в текстах церковнославянского языка русской редакции, судя по нашим исследованиям, были представлены лексемы исключительно в южнославянской огласовке [Бе-

касова 2008; Бекасова 2010: 73–105]. Следовательно, варьирование было возможно только в памятниках древнерусского языка, но в ряде случаев оно или изначально отсекалось из-за неконкурентоспособности генетически соотносительного члена (типа *береза, солома*), или осложнялось вследствие «давления» соответствующих церковнославянизмов (типа *время, храм*). Как справедливо отмечает В.В. Колесов, «бинарная оппозиция, теоретически постулируемая, практически не осуществляется последовательно; это идеал, а не норма» [Колесов 1989: 263]. Кроме того, в пределах конкретных рукописей древнерусского языка столкновение генетически соотносительных лексем также было ограничено особенностями жанра и содержания текста, влияющими на отбор лексики, а также рядом экстралингвистических параметров [Бекасова 2010: 105–151; Бекасова 2013; Мартыненко 2014]. Следует отметить, что при общей тенденции определенного генетического фона рукописи возможны были совмещения генетически соотносительных лексем, в том числе и в пределах тесно связанных контекстов, которые вслед за Л.М. Устюговой можно рассматривать как принципиальную особенность древнерусского текста [Устюгова 1987; Бекасова 2014 а)]. Отсюда и разные подходы исследователей к выявлению маркированности и отбору полногласной /неполногласной лексики в памятниках древнерусской письменности. В связи с этим следует согласиться с мнением В.В. Колесова о том, что вплоть до XIV в., мы имеем дело с «исходной эквиополентностью и, следовательно, стилистической равнозначностью» полногласных и неполногласных лексем, а затем уже происходит «формирование семантической корреляции (на метонимической, а потом метафорической основе)», а с XV в. – «чисто стилистическая дифференциация оставшихся неиспользованными форм. Основу изменений и здесь обуславливает устная речь родного языка, а происходящие в нем изменения помогают формально фиксировать оппозиции, важные для литературного языка» [Колесов 1989: 268].

Однако следует подчеркнуть, что реальная история полногласных и неполногласных оппозиций была намного сложнее указанной схемы, поскольку «отягощалась» наличием гетерохронных списков, разнообразием традиций скрипториев, собственными представлениями книжника [Бекасова, Устюгова 2013], в результате чего семантическая и стилистическая градация формируются значительно позже – к XVIII–XIX вв. Но, несомненно, значимыми были те отношения и критерии, которые постепенно формировались и влия-

ли на сохранение или распад генетической корреляции и в итоге определяли и наличие пар, и отношения между ними. Отсюда и асимметрия в представлении полногласия и неполногласия в современном русском языке.

Анализ исходной картины соотношения и динамики семантической структуры слова и его стилистической дифференциации в словарях старославянского, церковнославянского и русского языков показывает специфику выбора и закрепления одного из возможных гетерогенно оформленных корнесловов, которые чаще всего встречались в пределах одной рукописи, в том числе в тесно связанных контекстах. В этих случаях в истории русского языка реализовались, как правило, три основных «сценария». В случаях усиления одного из членов пары и оттеснения другого на периферию языка в качестве стилистического или устаревшего варианта возможна фиксация как восточнославянского, так и южнославянского по происхождению оппозиита, ср.: *берег* / *брег*, *город* / *град*, *золото* / *злато* – *беремя* / *бремя*, *ворог* / *враг*, *веред* / *вред* и под. Сохранение обоих коррелятов чаще всего происходит в результате их семантической дифференциации, например: *порох* / *прах*, *голова* / *глава*, *сторона* / *страна* и др.

Ведущую роль в укреплении лексемы с полногласием и неполногласием сыграла его «востребованность» или в церковнославянских, или в русских текстах. При этом тексты Священного писания не допускали развития семантической структуры слова, а тем более смены его исходной семантики. В древнерусских текстах при столкновении морфонологических коррелятов, имеющих минимальные расхождения своей оболочкой, должны были выработаться определенные механизмы их разграничения, которые наиболее интенсивно действуют в сфере исконной системы, позволяющей развивать новые значения. В частности, в паре *порох/прах* наблюдается семантическая трансформация, связанная со свободным употреблением восточнославянского по происхождению эквивалента в новых контекстах, что способствовало закреплению нового значения, необходимого для маркировки новых реалий. При сохранении значения ‘пыль’ восточнославянский корень специализируется на новом значении в ответ динамично развивающейся системе языка, отмежевавшись от неполногласного дубликата и оставив прежние семантические значения.

Однако сложные отношения между подобными парами в истории русского языка не всегда сводятся исключительно к семанти-

ческим отношениям, поскольку в однокоренных образованиях возможно генетическое расслоение по звеньям формо- и словообразовательной цепи, например; *дерево – древесный, жребий – жеребьевка, вратарь – ворота, молодой – младенец, холодильник – хладокомбинат* и под. Такие примеры убедительно доказывают важность еще одного критерия отбора и закрепления того или иного образования с соответствующим диагностическим признаком. Специфика вхождения в словообразовательную систему русского языка накладывает определенные ограничения на «свободу» варьирования корнесловов с однокоренными образованиями. Так, в судьбе паре *враг/ворог* немаловажную роль сыграла пара *вражда – ворожба*, в которой исходный член сохранял изначальное обозначение соответствующего языческого ритуала. В связи с этим в системе литературного языка происходит сохранение функционально значимого слова *враг*, вытеснившего *ворог* в сферу фольклора, где слово закрепляется в свойственной для него парадигме *ворог – ворожба*, аналогично тому, как *враг* поддерживается значением слова *вражда*.

Таким образом, история образования соответствующих генетически соотносительных пар, их утраты или дифференциации представляет собой прежде всего сложный процесс вхождения элементов одной, хотя и родственной системы в другую. Безусловно, реципиентом является русский язык, который избирает из сакральных литературно-письменных текстов то, что соответствует запросам его внутреннего развития, строению его структуры, изменениям семантики и обогащению стилистики. Именно поэтому в церковнославянских текстах сохранился определенный, четко очерченный реестр исключительно неполногласной лексики, а в процессе тысячелетнего развития «общежительного и переимчивого» русского языка (А. С. Пушкин) происходит процесс «встраивания» южнославянских по происхождению элементов в его систему, сообразно с критериями, определяющими судьбу генетически соотносительных коррелятов – от вхождений в пары до их дифференциации и распада по разным звеньям структуры и функциональной парадигмы языка.

Литература

1. *Бекасова Е. Н. а) А.А. Шахматов: классика реконструкции // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. № 4 (12). – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 161–169.*

2. *Бекасова Е. Н.* б) Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. № 2. – М., 2014. С. 56–63.
3. *Бекасова Е. Н.* Генезис текста // Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: Монография. – М., 2013. С. 150–208.
4. *Бекасова Е. Н.* Генетический фон древнерусского текста: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.
5. *Бекасова Е. Н.* Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка // Филологические науки. 2005. № 2. С. 42–49.
6. *Бекасова Е. Н.* О генетической организации системы русского литературного языка // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 2. – С. 90–94.
7. *Бекасова Е. Н.* О специфике трансплантации и ауто трансплантации в текстах церковнославянского и русского языков // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология и искусствоведение». – Челябинск, 2008. Вып. 21. С. 28–32.
8. *Бекасова Е. Н.* Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008.
9. *Бекасова Е. Н., Устюгова Л. М.* К проблеме соотношения церковнославянизмов и русизмов в тексте «Повести временных лет» // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материала Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 26-28 ноября 2013 г. / Ред. кол. М.Л. Ремнева и др. – М.: МАКС Пресс, 2013. С. 24–27.
10. *Буслаев Ф. И.* Сочинения Ф.И. Буслаева. Т. II. Исторические очерки русской народной словесности и истории. – СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности, 1910.
11. *Колесов В. В.* Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.
12. *Мартыненко Н. В.* Проблема диагностирующих признаков генезиса русского литературного языка // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. № 3(16). – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2014. С. 43–50.
13. *Трубецкой Н. С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. №3. С.114–134.
14. *Устюгова Л. М.* Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М., 1987. С. 90–105.

Григорян Ашот Арамович
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
yerkat@yandex.ru

Григорян Алла Юрьевна
Ивановский государственный энергетический университет
г. Иваново, Россия
apour@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ (на примере теории дифферентности)

Теория дифферентности (difference theory) относится к числу основных направлений в гендерной лингвистике, при помощи которых ученые анализировали и пытались объяснить гендерную специфику языка. В рамках этой теории различия и сходства в коммуникативном поведении женщин и мужчин объясняются не с позиций неравного доступа к власти (deficit/dominance theory), а тем «фактом», что мужчины и женщины принадлежат к различным субкультурам и социализируются в монополовых группах. В статье рассматриваются как положительные, так и отрицательные стороны такого подхода.

Ключевые слова: гендер, язык, теория дифферентности, коммуникативное поведение мужчин и женщин.

В рамках исследований по гендерной лингвистике можно выделить несколько направлений. В частности, ученые говорят о теориях «дефицитности» женского языка ('deficit' model), «доминантности» мужского ('dominance' model), «дифферентности» женского и мужского стилей коммуникации ('difference' model). Заметим, что указанные направления, обладая определенной спецификой, вместе с тем достаточно тесно связаны между собой, их трудно строго разграничить. Например, любые различия в «женском» и «мужском» языке рассматриваются учеными, стоящими на позициях «доминантного» направления, как свидетельство превосходства мужчин. Эти же отличия с позиций приверженцев теории «дифферентности» объясняются различной социализацией мужчин и женщин, мальчиков и девочек. В отличие от попыток рассмотрения женщин с позиций их слабости (deficit) и виктимизации (dominance), сторонники «дифферентного» подхода склонны подчеркивать в женском стиле

не просто отличное от мужского, но и позитивно оцениваемое обществом. Подобная оценка женского языка основана на толковании различий как результата принадлежности к различным женским и мужским субкультурам [Maltz, Borker 1998]. Эти ученые в своих исследованиях опирались на работу Дж. Гамперца, посвященную изучению теории «двух культур» ('two cultures' model) в рамках межкультурной, межэтнической коммуникации [Gumperz 1982]. Д. Молтц и Р. Боркер предложили свое видение, объясняющее проблемы и удачу в коммуникации женщин и мужчин, различиями в субкультурах мужчин и женщин, в чем-то аналогичных различным этно- и классовым субкультурам. Ученые утверждали, что именно различие в субкультурах девочек и мальчиков, приводит к трудностям в процессе коммуникации мужчин и женщин. Таким факторам, как неотъемлемые, внутренне присущие различия женщин и мужчин, и различный уровень доступа к социальной власти, не уделялось должного внимания.

В Великобритании это направление получило развитие в трудах многих ученых, среди которых выделяются работы Дж. Коутс, которая, в частности, предпочитает говорить не о мужской или женской речи ('women's and men's speech'), а о женском и мужском стилях ('styles') [Coates 1993]. Наряду с обсуждением вопроса о том, как дети являются участниками соответствующих групп в гендерно-специфичных субкультурах с ярко выраженным мужским и женским стилем коммуникации, ученый также обсуждает проблему многообразия способов, посредством которых женщины и мужчины проходят через процесс социализации и воспринимают различные «предназначенные» для них гендерные роли. Например, это происходит в тех случаях, когда взрослые по-разному разговаривают с мальчиками и девочками, как бы «снабжая» их готовыми и различными моделями языка. Это происходит также и в тех случаях, когда одинаковое языковое поведение мальчиков и девочек приводит к различной ответной реакции взрослых. Здесь уместно вспомнить и о роли тех факторов, которые – с точки зрения патриархального общества – в большей или меньшей степени приемлемы для мальчиков и девочек: вежливость, употребление не самой нормативной лексики, количество прерываний и уместность молчания. Такие культурно значимые различия в требованиях, предъявляемых социумом к девочкам и мальчикам («будь хорошей и вежливой: ты же девочка! / будь сильным и побеждай!»), ведут к появлению различных стилей общения и к выбору различных лингвистических средств мальчиками и девочками. Подобный выбор и связанная с ним гендерная идеология не-

редко работают против девочек и женщин. В таких случаях срабатывает принцип, который Р. Лакофф назвала “*Damned if you do, damned if you don’t!*” [Lakoff 1975]. Например, стоит женщине прибегнуть к «мужскому» стилю ведения дискуссии и выбору соответствующих языковых средств, как она рискует быть обвиненной в недостаточной женственности (*‘she is so unfeminine!’*); с другой стороны, если она предпочтет *‘to talk like a lady’*, это с большой долей вероятности приведет к тому, что сказанное ею не будет воспринято всерьез. По свидетельству А. Шелдон способ ведения споров мальчиками и мужчинами – нередко довольно категоричный и конфронтационный – воспринимается обществом, в целом, положительно. Это выражается, в частности, употреблением по отношению к ним имен прилагательных *‘strong and assertive’* [Sheldon 1997]. Подобное поведение в аналогичной ситуации со стороны женщин тут же «награждается» совсем иными эпитетами: *‘bossy and difficult’* [Ibid].

В США теория «дифферентности» получила большое распространение и известность благодаря, прежде всего, бестселлеру ученицы профессора Лакофф, Деборы Таннен. Ее книга *‘You Just Don’t Understand: Women and Men in Conversation’*, впервые опубликованная в 1990 году выдержала много переизданий и переведена на целый ряд языков, включая русский [Tannen 1990]. Это, по-видимому, тот редкий случай, когда научное исследование становится известным широкому кругу не только ученых, но и обычных людей. Более того, появился целый ряд научно-популярных изданий, которые – в той или иной степени – основаны на теории дифферентности. В частности, можно назвать книгу Дж. Грея *‘Men are from Mars, Women are from Venus’* [Gray 1992]. Д. Таннен, продвигая идею различных, но одинаково ценных и значимых стилей коммуникации женщин и мужчин, отмечала, что доминирование может часто быть лишь одним из факторов, определяющих гендерные различия в языке [Tannen 1990]. В каких-то контекстах роль этого фактора может и не ощущаться вообще. Исследователь, также как и другие сторонники теории «дифферентности», полагает, что общение между мальчиками и девочками похоже на коммуникацию между представителями двух различных культур, имеющих возможность говорить на общем языке. Примером может служить, например, коммуникация между жителями Лондона и Бомбея, говорящими на английском языке, но принадлежащими к очень разным культурам [Ibid]. При этом обе культуры по-своему хороши и имеют право на существование. Именно этот потенциально возможный – и весьма вероятный – сбой

в межкультурной коммуникации и является, по мнению Д. Таннен, причиной того, что мужчины и женщины нередко не понимают друг друга. Исследователь призывает женщин и мужчин понять это и перестать обвинять друг друга в непонимании.

К положительным чертам теории «дифферентности» следует отнести то, что в отличие от сторонников теории «доминантности», ученые этого направления не склонны к виктимизации женщин и рассматриванию их в качестве «слабой» половины человечества; кроме того, исследователи – приверженцы этого подхода – также не склонны обвинять какую-то одну группу в непонимании. При этом, однако, не следует забывать и о слабых сторонах теории «дифферентности». В частности, не было предложено никаких разумных объяснений тому факту, что в языке мужчин и женщин существует огромное количество схожих черт и едва ли можно говорить о четко выделяемых гендерлектах. Кроме того, существует большое разнообразие стилей коммуникации у различных групп женщин и различных групп мужчин. Ответа на возможные причины такого разнообразия не предлагается. Самым главным, на наш взгляд, минусом, теории «дифферентности» является то, что сторонники этого направления игнорируют столь важный фактор, как неравный доступ к власти. Иногда – как, например, в случае с Д. Таннен – это приводит к сведению гендерных различий к упрощенно понимаемым и невинным различиям в культуре. Однако, как пишет А. Учида, едва ли разумно рассматривать такие понятия как ‘power’ и ‘culture’ в качестве двух совершенно независимых концептов [Uchida 1992]. Эти понятия взаимозависимы, так как иерархия, существующая в социуме, бесспорно, оказывает воздействие на коммуникацию в нем [Ibid]. Таким образом, исследования, проведенные в русле теории «дифферентности», едва ли возможно считать беспристрастными научными штудиями. У таких исследований всегда и неизбежно имеется и политическое измерение. Это становится понятным, если попытаться, например, ответить на ряд простых вопросов: а) почему, собственно, мальчики и девочки социализируются именно в монополовых группах; б) почему эта социализация разводит их к противоположным полюсам мужского и женского, воспринимаемым как взаимоисключающие категории? Ответов на эти вопросы сторонники теории «дифферентности» не дают. Между тем, данные ряда исследований, в частности, говорят о том, что, на самом деле, в значительной мере имеет место именно совместная социализация детей [Simpson 1997].

Может быть, главной проблемой теории «дифферентности» – равно, как и всех остальных традиционно выделяемых моделей в этой области – является отсутствие комплексного подхода к столь сложному явлению как гендер, а также исходный постулат о гендерных различиях, неизбежно ведущий к поляризации.

Литература

1. Coates J. Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Sex. – N.Y., 1993.
2. Gray J. Men Are from Mars, Women Are from Venus. – N.Y., 1992.
3. Gumperz J. Discourse Strategies. – Cambridge, 1982.
4. Lakoff R. Language and Women's Place. – N.Y., 1975.
5. Maltz D., Borker R. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // Language and Gender: A Reader. – Oxford, 1998. P. 417–434.
6. Sheldon A. Talking Power: Girls, Gender Enculturation and Discourse // Gender and Discourse. – L., 1997. P. 225–244.
7. Simpson A. 'It's a Game!': The Construction of Gendered Subjectivity // Gender and Discourse. – L., 1997. P. 197–224.
8. Tannen D. You just don't Understand: Women and Men in Conversation. – N.Y., 1990.
9. Uchida A. When 'Difference' is 'Dominance': A Critique of the 'Anti-Power-Based' Cultural Approach to Sex Differences // Language in Society. – V. 21. – N.Y., 1992. P. 547–568.

Ершова Светлана Евгеньевна

ФГБОУ ВПО «Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ)»
г. Москва, Россия
ershova_se@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ТОЖДЕСТВА МЕЖДУ РЕПЛИКАМИ ДИАЛОГА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

В статье рассматриваются лексико-грамматические средства актуализации отношений тождества между репликами диалогических единств и их влияние на эффективность коммуникативного акта

Ключевые слова: диалогическое единство, актуализация отношений тождества, лексико-грамматические средства, эффективность коммуникативного акта.

Взаимопонимание людей в процессе коммуникации, осуществляемое как между членами одного языкового коллектива, так и между группами людей, принадлежащих к различным языковым коллективам, возможно только при наличии единой логико-мыслительной базы, которая создает возможность совмещать знания всех людей в едином знании мира, закодированном в языке.

Говоря о необходимости установления такой единой точки отсчета при исследовании языковых явлений, известный ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор Н. Н. Холодов утверждал, что в языковой системе главенствуют отношения тождеств и различий: «Отношения аналогичности и неаналогичности, тождества и различия и т.д. являются субинвариантными отношениями языка. Они — основание (может быть, «дно», может быть, центр) языковой системы» [Холодов 1991: 104]. Мы вслед за Н. Н. Холодовым и другими учеными-лингвистами придерживаемся следующей точки зрения на природу исследования языковых единиц: результативным является метод-подход, основанный на последовательном понимании языка как системы, построенной на тесном взаимодействии всех элементов и уровней, и как объекта, устроенного на базе дихотомии тождеств/различий, пронизывающей все его уровни.

Свое преломление проблема тождеств и различий находит и на уровне диалогической речи. Каждый коммуникант по-своему осмысливает передаваемую информацию, в этой связи важно учитывать как интенцию говорящего (его коммуникативное намерение передать определенную смысловую информацию), так и реакцию слушающего (результат восприятия чужого высказывания), содержащую согласие или несогласие с мнением отправителя информации.

Всякий диалог стремится к определенному тождеству мнений. Важность тождества мнений как основы согласия, единодушия и эффективности коммуникации не вызывает никаких сомнений. Отношения тождеств понимаются как главное условие связности реплик в диалоге, так как они – конечный результат общения, к которому стремится всякий коммуникативный акт. Для успешного осуществления своих коммуникативных замыслов говорящий подвергает высказывания соответствующей обработке, используя при этом языковые (и внеязыковые) способы, приемы и средства, способствующие достижению конечного результата общения – согласия, тождества мнений, взаимопонимания, консенсуса. Исследователи диалога,

говоря об одном и том же языковом явлении, используют различные дефиниции: утверждение, сходство, унисон, единомыслие, аналогичность, согласие, тождество, совместимость точек зрения, когерентность, гармония.

Отношения тождеств между репликами диалогических единств актуализируются через установление семантико-смысловых связей между тождественным, сходным, аналогичным содержанием реплик, которые соотносятся компонентами, выделяемыми актуальным членением реплик-высказываний. Логически акцентируемый компонент реплики-реакции адекватен содержанию реплики-акции, благодаря этому выделяется два связанных отношениями тождеств компонента, таким образом организуется центральный семантический стержень отношений тождества, на базе которого реплики объединяются в одно семантическое целое и возникают диалогические единства с актуализированными отношениями тождества между репликами.

Исследователи отмечают, что в современном русском языке широко распространено совместное использование разнообразных средств актуализации отношений тождества между репликами диалогических единств [Ахадов 1995; Баделина 1997]. При этом каждое средство актуализирует рассматриваемые отношения по своим каналам связи реплик, уточняя, дополняя друг друга и усиливая характер устанавливаемых отношений.

Анализ диалогических единств с отношениями тождества между репликами показывает, что их соотносимые компоненты тождественны во множестве семантических составляющих, которые группируются, и каждая группа имеет свои средства актуализации. Отчетливо выделяется группа рематических компонентов реплик, тождественных по лексическим и грамматическим признакам.

Грамматические средства актуализации отношений тождества представляют собой совокупность параметров, признаков, влияющих на эффективность коммуникативного акта. Лексические средства образуют конкретное содержание общения, они индивидуальны, составляют специфику того или иного средства. Лексические и грамматические средства неразрывно связаны.

Лексические средства актуализации отношений тождества находятся на доступном непосредственному наблюдению уровне абстракции. Они различаются лексическими компонентами семантики, например, повторы, синонимические соотношения, местоименно-именные отношения, родо-видовые соотношения. Данные лексиче-

ские средства актуализации отношений тождества отличаются лексическим значением компонента-ремы. Повторы тождественны во всех компонентах лексической семантики, так как они – разное употребление одного и того же слова. Синонимические соотношения имеют коннотативные различия в лексической семантике, они называют по-разному один и тот же денотат. Местоименные соотношения указывают на одно и то же, не называя его. В родо-видовых (гиперонимов и гипонимов) соотношениях вторые называют денотаты, являющиеся частью того, что названо первыми. Такие лексические средства используются при дифференциации собеседником смысла реплики – акции.

К лексическим средствам недифференцированного тождества относятся соотношение тождественной семантики реплик в полном объеме и со словами, имеющими специфическую семантику, подчеркивающие тождество смыслов реплик.

Грамматические средства находятся на более абстрактном уровне, они несколько отдалены от непосредственного восприятия. При актуализации недифференцированного тождества для установления рассматриваемых отношений используется такая грамматическая сторона реплик – высказываний, как наиболее общая целеустановка реплик, отношение к действительности: повествовательность, вопросительность, побудительность. Актуализация отношений тождества происходит благодаря адекватности употребления целеустановок реплик. Отношения дифференцированного тождества актуализируются грамматическим вычленением тождественных по синтаксическим функциям и морфологическим характеристикам компонентов реплик.

Таким образом, можно говорить о наличии в современном русском языке различных лексико-грамматических средств актуализации отношений тождества между репликами диалога. Выявление их типологии не только проясняет роль, место и специфику каждого из лексико-грамматических средств актуализации отношений тождества в общей их системе, но, главным образом, уточняет наши представления о структуре синтаксической семантики диалогических единств.

Оно также служит еще одним подтверждением идеи о том, что отношения тождеств и различий выступают важнейшей составляющей семантической структуры диалогических единств, объединяющей реплики в одно целое, и о влиянии лексико-грамматических средств актуализации отношений тождества на эффективность коммуникации.

Литература

1. *Ахадов Ш. А.* Диалогические единства современного русского языка в аспекте проблемы тождеств и различий: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1995.
2. *Баделина М. В.* Отношения согласия между репликами диалогических единств: Дисс... канд. филол. наук. – Иваново, 1997.
3. *Холодов Н. Н.* За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991.

Зайцева Светлана Николаевна

Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
svza55@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Статья посвящена спорным вопросам современной русской орфографии, отраженным в своде орфографических правил русского языка, и влиянию языковой системы и внутренней логики языка на становление орфографической нормы.

Ключевые слова: формально-грамматический принцип орфографии, морфологическая однородность компонентов, сложное слово.

Отношения тождеств и различий между языковыми единицами являются системообразующими в языке. Они отражают суть парадигматических отношений в любой системе языка и регулируют синтагматические связи языковых единиц разных уровней.

Н. Н. Холодов считал *идею аналогичности/неаналогичности* (проблемы тождеств и различий) ключевой в изучении сущности синтаксических связей, отражающих результаты «осознания человеком аналогичных и неаналогичных сторон в познаваемых объектах...при помощи языка», и был убежден в плодотворности изучения в данном аспекте «связей механизмов языка» на разных его уровнях [Холодов 1983: 3].

Анализ языкового материала в аспекте становления орфографической нормы в русском языке показал «плодотворность» идеи аналогичности/неаналогичности и на этом уровне языка.

К «горячим точкам» русской орфографии относится проблема правописания сложных имен прилагательных (далее: СИП). Лежащий в основе их правописания так с называемый семантико-синтаксический принцип, который отражен не только в старой редакции правил русской орфографии [Правила 1956], но и в новой его редакции [Правила 2007] (далее: Правила-07), реально на практике действует в весьма ограниченных случаях.

Как известно, авторами словаря-справочника «Слитно или раздельно?» (С-Р) была выявлена следующая орфографическая тенденция, стихийно действующая закономерность в написании сложных прилагательных: стремятся к дефисному написанию СИП с первой частью, имеющей суффикс прилагательного (*военно-, научно-, горизонтально-, массово-* и др.), и к слитному – СИП с первой частью, не имеющей суффикса прилагательного/причастия (*асфальто-, ветро-, взаимно-, водо-, газо-, хлебо-* и др.) [Букчина 1988:11-12]. Отсюда встречающиеся написания типа *плодоягодный, хлебобулочный*, но *плодово-ягодный, хлебно-булочный* и т.д. Выявленная орфографическая тенденция дала основание авторам словаря-справочника «Слитно или раздельно?» провозгласить новый принцип написания СИП – формально-грамматический (словообразовательно-грамматический), который и был положен в основу правил, рекомендованных авторами С-Р. Данная закономерность не распространяется на пишущиеся слитно прилагательные с первой частью, совпадающей по форме с наречием, даже если в ней и выделяется суффикс, типа *круглосуточный, мелкооптовый, раннефеодальный, светлохвойный* и т.д. Напротив, последовательно пишутся через дефис, независимо от структурных особенностей первой части, прилагательные, обозначающие оттенки цветов: *красно-коричневый, синезеленый, бутылочно-зеленый* и т. д.

Несмотря на то, что семантико-синтаксический принцип сохраняется как ведущий в новой редакции Правил-07, формально-грамматический тоже находит там свое отражение, представляя отдельный пункт правила:

«3. Из правила пп. 1-2 имеется много исключений.

Так, пишутся слитно, несмотря на равноправное по смыслу отношение основ, прилагательные *глухонемой, буровзрывной, пароводяной, водовоздушный, газопаровой, газобензиновый, нефтегазовый, тазобедренный* и др. С другой стороны, пишутся через дефис, несмотря на подчинительное отношение основ, прилагательные *буржуазно-демократический, военно-исторический, жилищно-*

кооперативный парашютно-десантный, гражданско-правовой, авторско-правовой ... валютно-обменный и др. Дефисному написанию таких слов способствует наличие в первой основе суффикса относительных прилагательных (-н-, -енн-, -ов-, -ск-) (§ 130) [Правила 2007]. Добавим в этот же список известные каждому учащемуся лингвистические термины *функционально-стилевой* (хотя *функциональный стиль*), *культурно-речевой* (хотя *культура речи*), *неопределенно-личное* предложение (в толковании опорное понятие с подчинительными отношениями компонентов: *неопределенность лица*), *определенно-личное* (*определенное лицо*) и т. д.

Парадоксально, что перечень этих исключений, заканчивающихся пометой «и др.» превышает количество слов, написание которых подчиняется правилу. Не случайно составители академического свода правил призывают пишущего «в спорных и сомнительных случаях написания сложных прилагательных ... обращаться к академическому орфографическому словарю» (там же). Как показывает анализ языкового материала, действие выявленной специалистами в 70-80-е гг. орфографической тенденции в последние десятилетия ничуть не ослабевает.

В качестве лингвистического эксперимента мы извлекли из текста школьного учебника по литературе для 10 класса [Лебедев 2001], СИП и проанализировали их с точки зрения слитного/дефисного написания. Из двадцати прилагательных, в словообразовательной мотивации которых можно усматривать подчинительные отношения компонентов исходного для них словосочетания, только три пишутся слитно (*царскосельский дворец*, *среднерусская природа*, *детопитательное молоко*), а 17 – через дефис, например: *православно-христианская* (православные христиане) *культура*, *традиция*, *литературно-критические* (литературная критика) *школы*, *вульгарно-материалистические* (вульгарный материализм) *взгляды*, *творчески-созидательная* (творческое созидание) *сила искусства*, *не субъективно лирический*, *а объективно-изобразительный смысл* (субъективная лирика, объективное изображение), *художественно-образная* (художественный образ) *картина действительности* и т. д. [Зайцева 2013: 178–179].

Норма вырабатывается самим языком согласно внутренним законам его развития. Наши наблюдения показывают, что выявленная авторами С-Р орфографическая тенденция представляет собой одно из частных проявлений более общей закономерности в области слитного/дефисного написания разнообразных по структуре СИП. А

именно: пишутся преимущественно через дефис прилагательные с компонентами морфологически однородного состава (= морфологически тождественные), независимо от того, есть ли суффикс в первой части, а также от того, сочинительными или подчинительными отношениями связаны компоненты. Это СИП, оба компонента которых содержат основы качественных прилагательных (*желто-зеленый, кисло-сладкий, добродушно-наивный*), относительных прилагательных (*оптово-розничный, военно-патриотический, англо-французский, воздушно-десантный*), причастий (*колюще-режущий*), а также СИП, содержащие основу относительного прилагательного или причастия по форме (*счетно-пишущий, разгрузочно-растаскивающий*). Сложные и суффиксально-сложные прилагательные с морфологически неоднородными (= неаналогичными) компонентами, как правило, представлены в орфографической практике в слитном написании. Это СИП, первый и второй компоненты которых содержат основы разных частей речи: существительного и причастия (*азот(о)содержащий, звукоизолированный*), существительного и прилагательного (*хлебоуборочный, мясомолочный, посудохозяйственный*), числительного и прилагательного (*двадцатипятипроцентный*) или СИП, компоненты которых представляют собой сочетание основ прилагательных разных лексико-грамматических разрядов – качественного и относительного (*крупнофигурный, мелкокалиберный, синепламенный*).

В свете выявленной общей закономерности становится понятным, почему, во-первых, последовательно поддерживается дефисное написание цветообразующих прилагательных и почему, во-вторых, предложенное авторами С-Р правило дефисного написания СИП с формально выраженной «прилагательностью» первой части не могло распространиться на последнюю из перечисленных групп СИП с первой частью, по форме совпадающей с наречием, типа *крупнофигурный*.

Примечательно, что написание сложных прилагательных и написание сложных существительных по сути определяется одним и тем же принципом – принципом морфологической однородности/неоднородности компонентов. Напомним, что чаще проявляют тенденцию к дефисному написанию существительные, для которых характерен своеобразный структурно-грамматический параллелизм (морфологическая однородность) компонентов: *дизель-мотор, гриль-бар, рок-ансамбль, кафе-столовая, чулки-носки* и др. (компоненты – существительные в форме им. пад., ед./мн. числа без соединительной гласной). Существительные, образованные с помощью

соединительной гласной, в результате чего компонентам не свойствен структурно-грамматический параллелизм, пишутся слитно: *совголовова, девятиэтажка, лесопарк, берколлегия* и т.д.

Таким образом, принцип, регулирующий на практике слитное/дефисное написание сложных слов, названный нами принципом морфологической однородности компонентов, является отражением строгой системности в языке.

Механизм отражения в языке и, в частности, на его орфографическом уровне, тождеств и различий реальной действительности легко усматривается и в правилах слитного/раздельного написания *не* с частями речи. Назначение обеих языковых единиц – *не*-приставки и *не*-частицы – передавать «отрицание в видении» пишущим какого-либо факта в сравнении с неким ранее известным, обобщение действительности с разных сторон, через противопоставление, вербализованное или невербализованное: *Я не приеду* (а мог бы и приехать), *Она некрасива* (но кто-то другой красив), *литераторы и нелитераторы* (две разные группы людей, сравниваемых на одном основании). Однако обобщение реальной действительности с использованием частицы *не* и приставки *не*- осуществляется по-разному: частица актуализирует несоответствие (нетождественность) описываемого явления некоему явлению, предполагаемому говорящим/пишущим как объект сравнения, а приставка *не*- актуализирует тождество описываемого факта с некоторым сравниваемым объектом действительности при наличии и компонентов различия между ними (*некрасивый* \approx *дурной*, не обладающий приятными чертами лица, красотой, но все же не *безобразный*; *недобрые* отношения близки к *неприятным*, *напряженным*, хотя, возможно, и нетождественны *злым*). До тех пор, пока слово с приставкой *не*- содержит в своем значении одновременно тождественное и различное в сравнении с другими языковыми единицами без *не*-, оно сохраняет статус «особого слова» [Правила 2007], отдельной (следовательно, пишущейся слитно) единицы языка.

Маркерами «особого слова» являются устоявшиеся механизмы, в частности, возможность сравнения с синонимичным словом, позиция в определенных синтаксических конструкциях, что нашло отражение в «Правилах-07», например: наличие групп слов (или возможность их подстановки), подчеркивающих утверждение, типа *очень, весьма, исключительно* и т.д.; наличие определения или предлога перед существительным с *не*- (*смертельный неохотник* до балов, *за невыход* на работу); наличие уточняющих наречий типа

еще, конструкции *чем...*, *тем...* при сравнительной степени прилагательного (*еще неприятнее; чем незамысловатее, тем лучше*) и т.д. (§148, 149) [Правила 2007]. Не случайно замена раздельного написания с *не* на слитное и наоборот становится невозможной в подавляющем большинстве контекстов в силу нетождественности структур с *не*. В некоторых случаях допускается выбор написания самим пишущим, но он несет ответственность за нюансы смысла, которые могут быть восприняты читающим: *Живут не богато* (≈средне, не зажиточно) – *Живут небогато* (=почти бедно/бедно, но в более корректной формулировке).

Орфография отражает и «поддерживает» то, что складывается и сложилось в языке. Не случайно неологизмы с *не-* обретают законное слитное написание, когда смысл их достаточно точно определится и устоится – у зарождающегося слова написание в текстах неустойчиво.

Как видим, даже в самых непростых группах правил механизмы формирования орфографической нормы – это сложная организация языковых тождеств и различий, отражающих тождества и различия бытия.

Литература

1. Букчина Б. З. Слитно? Раздельно? Через дефис?: Орфографический словарь русского языка. – М., 1998.
2. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно?: (Опыт словаря-справочника). 7-е изд. – М., 1988.
3. Зайцева С. Н. Сложные прилагательные в книжных стилях речи и проблема их правописания // Жанрово-стилевой подход в преподавании русского языка и культуры речи: Сборник научных статей и методических рекомендаций по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Иваново, 28–29 марта 2013 г.) / Сост. и науч. ред. И. А. Сотовой (отв. ред.), Э. В. Кромер, М. М. Меликян. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 178–181.
4. Кузьмина С. М., Лопатин В. В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996. №1. С. 98–102.
5. Лебедев Ю. В. Русская литература XIX в. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2-х ч. 2-е изд. – М., 2001.
6. Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956
7. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник/ под ред. В. В. Лопатина. – М., 2007.
8. Холодов Н. Н. Отношения аналогичности и неаналогичности в языке: Методические указания и основной учебный материал к спецкурсу. – Иваново, 1983.

Здорикова Юлия Николаевна
Ивановский государственный
химико-технологический университет
г. Иваново, Россия
ulia_zdor@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ *НО* В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ

В статье говорится об особенностях противительной семантики, выражаемой союзом *но* на уровне предложения и текста. Приводятся мнения современных ученых о противительных отношениях и конструкциях в структуре сочинительной связи. Рассматриваются функции союза *но* на уровне текста.

Ключевые слова: противительность, союз *но*, сложносочиненное предложение, текст, противоположное различие.

В соответствии с научной концепцией Н. Н. Холодова проблема тождеств и различий охватывают все уровни языка, в том числе синтаксическую структуру. Ярким показателем отношений различия выступает союз *но* – маркер противительности.

Противительность, по мнению М. С. Миловановой, представляет собой «языковую интерпретацию идеи противопоставления» [Милованова 2010: 41], это «результат отражения логико-мыслительного процесса **сравнения – сопоставления – противопоставления** и принадлежит к одной из важнейших категорий языка» [Милованова 2010: 42]. В значительной степени идею неаналогичности, противоположного различия, контраста, несходства выражают противительные сложносочиненные предложения (ССП) и текстовые построения (ТП) с отношениями несоответствия. Семантическая структура данных конструкций трехчастна, в нее входит имплицитный компонент, называемый пресуппозицией, обманутым ожиданием, имплицитным ожиданием и др. Так в ТП *Так не бывает... Но так вышло* (О. Рой. *Вдали от рая*) несоответствие усматривается между тем, что должно закономерно вытекать из первого предложения, и реальным проявлением факта. Смысловая структура включает ключевую ситуацию «*так не бывает*», имплицитный компонент «*следовательно, это не должно было произойти*» и обратное следствие «*но так вышло*». Значение противоположного различия подчеркивается

противопоставлением по отрицанию/ утверждению. Типовая семантика союза **но** реализуется в большинстве противительных ССП и ТП. Однако можно выделить целую группу конструкций, семантика которых не укладывается в привычные рамки, в некоторых случаях для ее выявления необходимо прибегать к «фонду общих знаний», в некоторых случаях она выходит за их пределы. Об этом пишет, в частности, Е. В. Урысон. С ее точки зрения, не поддаются обычной интерпретации конструкции, где речь идет о сочетании противоположных оценок одного и того же субъекта. Как отмечает Е. В. Урысон, «сочетание противоположных полюсов иногда вполне нормально. Так, одинаково нормальны сочетания *красивое самодовольное лицо* [противоположные оценки] и *отвратительное самодовольное лицо* [одинаковые оценки]; *умные наглые глаза* [противоположные оценки] и *тупые наглые глаза* [одинаковые оценки]. Следующее высказывание тоже совершенно нормально, хотя содержит две противоположные оценки одного объекта: *Некрасивые девушки обычно бывают умными*. Ср. также следующий пример: *Этот дом больше нашего, но меньше соседского* – вряд ли можно считать, что описываемая ситуация в чем-то отклоняется от нормы.

Мы предлагаем следующую интерпретацию употребления **но** в примерах (24) – (26).

(24) Он способный (Р), но ленивый (Q); (25) Она некрасивая (Р), но умная (Q); (26) Квартира большая (Р), но окна выходят прямо на шоссе (Q), где Р – ключевая ситуация, а Q – «отрицание ожидания».

Зафиксировав Р, сознание «настраивается» на определенную (положительную или отрицательную) оценку объекта, а затем вынужденно переключается на противоположную оценку. Это неожиданное переключение и обозначается союзом **но** [Урысон 2005: 482]. Е. В. Урысон приводит и другие примеры конструкций с союзом **но**, в которых реализуемая семантика не укладывается в традиционную схему.

В целом можно утверждать, что в противительных ССП и ТП устанавливаются сходные, изоморфные смысловые отношения. Однако функционируя на уровне текста, союз **но** реализует более широкую семантику, участвуя, в частности, в организации связного текста. Делимитативная функция союза **но** проявляется в ТП с отношениями предела, обрыва повествования.

Предложение с **но** в данных ТП выделяется, как правило, в самостоятельный абзац и содержит лексические показатели экспрессии внезапности – “*но вдруг*”, “*но тут*”. Например:

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой издохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве “все разрешено”, пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против Университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вехи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом, произвел чудеса. И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков-трильонник. Учреждения начали рвать его к себе насхват в спецы. Уже Чичиков снял за 5 миллиардов квартиру в пять комнат, уже Чичиков обедал и ужинал в “Амтире”.

Но вдруг произошел крах (М. Булгаков. Похождения Чичикова).

В первом предложении-защине ТП обозначена тема всего ТП – “карьера Чичикова”. Следующие девять предложений раскрывают эту тему. Для особого подчеркивания, выделения действий персонажа в плане карьеры используется парцелляция (третье, четвертое, шестое и седьмое предложения). В первом компоненте ТП при описании действий персонажа используются глаголы в одинаковой форме – прошедшего времени совершенного вида: *основал, вошел, накормил, вошел, продал, взял, написал, произвел, снял*. Предложение с союзом **но** обрывает ход повествования и вносит экспрессию внезапности.

Резкий обрыв повествования передается предложением с **но** в следующем ТП:

Ведь есть, есть еще время плюнуть на все и успеть прожить еще одну жизнь. И может, в той, новой жизни, все будет так, как всегда хотелось. Чтобы дети рядом, чтобы гордость за них была, чтобы так их чувствовалось, как будто идешь по улице, а за тобой – три сына, один одного крепче и красивее. И хочется крикнуть – смотрите! Это мои дети! Мой корень, моя кровь!..

Но тут же он и откестился от другой жизни (С. Алексеев. Рой).

Предложение с **но** резко обрывает размышления героя и указывает на переход к другому аспекту микротемы. Второй компонент таких ТП, осложняясь экспрессией внезапности, свидетельствует о прекращении реализации явлений, описываемых в первом компоненте, при этом часто меняются и планы изложения. Проиллюстрируем это на таких примерах:

Вода шла через лес. Люди переходили затопленные места без особых затруднений, лошадям же досталось. Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но лес кончился (В. Арсеньев. В делях Уссурийского края);

Я снова в забыты. То ли это сон, то ли опять странное наваждение, вызванное морфием. Только моей милой Киры в этом наваждении больше нет. Есть темные тени, по сумрачным улицам идущие в неизвестность, в никуда.] И я, словно бы скованный с ними одной цепью, бреду, бреду за ними следом. Господи! Да сделай же Ты что-нибудь!

Но вот я слышу голоса, вроде бы стою, зажав дыхание, у закрытой двери и стараюсь понять, что происходит там, в соседней комнате (В. Колганов. Покаянные сны).

В первом ТП предложение с *но вот* обрывает линию повествования, условно ее можно назвать “переход через лес”. Повествовательный ход изложения организуется “конкатенацией” событий, события происходят последовательно. Предложение с союзом **но** вносит в повествование прерывистость, свидетельствует о конце развертывания определенной темы.

Во втором ТП первый компонент представляет рассуждения героя, компонент, вводимый союзом **но**, имеет уже иной – повествовательный план изложения.

Предложение с союзом **но** может менять развитие микротемы и направлять ее по другому руслу, в этом случае автор сам регулирует поток своего наблюдения. Предложение с союзом **но** в таких ТП оказывается на периферии различных микротем и осуществляет отсылку к определенному фрагменту информации, например:

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского все еще было плохо; правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребенком, напоминала ему о времени пици и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме ее, не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистневскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести (А. Пушкин. Дубровский).

Приведенное ТП показывает, что в процессе повествования автор сам регулирует поток своего наблюдения. Предложение с *но*, “вкрапляясь” в повествование, прерывает микротему и свидетельствует о том, что далее речь пойдет о другом – настоящем – герое повести.

Итак, в ССП и ТП с союзом *но* реализуется семантика противоположного различия. Функционируя на уровне текста, союз *но* может принимать участие в его построении, выполняя текстообразующую строевую функцию.

Литература

1. Здорикова Ю. Н. Сложносочиненные предложения с союзом *но* и соотносительные с ними текстовые построения: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1999. 176 с.
2. Милованова М. С. Противительность как структурно-семантическая категория // Филологические науки. 2010. № 3. С. 40–50.
3. Урысон Е. В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог-2005. Институт проблем информатики РАН. 2005. С. 469–486.
4. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке: Учебное пособие. Часть I. – Смоленск, 1975. 164 с.

Карасева Дарья Сергеевна

Ивановский государственный университет

г. Иваново, Россия

dariya210@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Статья посвящена вопросу о функционировании фонетических единиц в контексте проблемы тождеств и различий. Автор анализирует формальную и смысловую стороны единиц, актуализируя важность проблемы тождеств и различий на всех уровнях языка. В статье утверждается, что анализ сходного и различного в языке способствует развитию мышления. Предметом данной статьи является работа над определением тождественного и различного в функционировании фонетических единиц.

Ключевые слова: фонетика, фонетические единицы, проблема тождеств и различий, система языка, язык и мышление.

Среди существующих онтологических проблем, пронизывающих категории человеческого, природного, космического, особо важной является проблема тождеств и различий. Универсальность применения тождественности по отношению к различным объектам и категориям материального и нематериального мира очевидна: будь то философские категории жизни и смерти, биологические особенности «Х» и «У» хромосом или, на бытовом уровне, содержание инструкций пользования приборами (категория «работает/не работает»). Кроме того, проблема тождеств и различий является «незримым гостем» философских и научных идей на протяжении десятков веков: от античных концепций Платона, Демокрита, Аристотеля в философском пространстве диалектики и метафизики до современных концепций эпохи развития постиндустриального общества – постклассической философии М. Хайдегера, Ж. Дерриды, научных открытий А. Эйнштейна, А. Флеминга, А. Д. Сахарова. Наличие сходства и различия в осмыслении объектов позволяет развивать систему мышления человека и развивать аналитические навыки.

Сущность проблемы тождества и различия можно соотнести с понятием «оппозиция». Дуализм мнений, противоречие фактов, противопоставление явлений лежат в основе формирования большинства научных концепций, выявления новых положений. При этом границы определения тождества и различия условны и устанавливаются в каждом случае исследователями самостоятельно. По справедливому замечанию известного лингвиста Н. Н. Холодова «в мире нет абсолютно тождественных, как и абсолютно разных явлений». [Холодов 1991: 70]. Поэтому зачастую бывает достаточно сложно установить уровни противопоставления и сопоставления дефиниций.

Проблема тождества и различий касается и развития языка как системы. «Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях», – утверждает Ф. де Соссюр одним из своих фундаментальных трудов [Соссюр 1999: 141]. Язык есть уникальная система, обслуживающая все сферы человеческой жизнедеятельности. Его структура сложна и оригинальна: человек, задумываясь над устройством языка, скажет, что язык состоит из взаимодействующих единиц разных уровней, но мало кто объяснит, для чего языку именно такая организация. По мнению А. М. Пешковского, русский язык по структуре похож на «слоеный пирог», где каждому слою соответствует свой уровень организации элементов [Пешковский 1959]. Язык построен как иерархическая структура, элементы которой находятся в строгой системе, язык помогает запоминать и передавать

информацию; язык – средство человеческого мышления. Согласно теории изоморфизма, принципы устройства языка на всех его уровнях в целом одинаковы, поэтому на каждом из структурных уровней языка одинаково прослеживается заявленная проблема тождеств и различий. При этом важным компонентом, образующим систему является иерархичность уровней, то есть включенность одних элементов в другие (фонем в морфемы, морфем в слова и т.д.). Анализ формы и содержания языковых единиц каждого уровня является одной из сторон разработки проблемы тождества и различия.

Фонетика занимает особое место среди других лингвистических дисциплин. Она оперирует незнаковыми единицами, единицами плана выражения: фонемы (единицы языка) и звуки (единицы речи) сами по себе значениями не обладают, в то время как единицы всех остальных ярусов, начиная с морфем, наделены смыслом, являются знаковыми единицами. Фонетика – дисциплина, предметом которой является изучение звуковой материи языка. Остальные дисциплины сосредотачивают внимание на специфике структурно-смысловой стороны единиц. По утверждению Г. М. Богомазова, фонетические единицы «объединяют все уровни, всю систему языка в единое целое» [Богомазов 2001: 17]. Так как фонетика оперирует незначимыми единицами, она относительно автономна среди других лингвистических дисциплин.

Анализ формы и содержания фонетико-фонологических единиц в контексте проблемы тождеств и различий осложняется и тем, что данные языковые единицы (звуки во всех инвариантных и вариативных проявлениях) асемантчны, то есть «непосредственно не связаны с конкретным значением в языке» [Холодов 1991: 28]. Необходимо сказать, что анализ звукового и фонемного состава слов производился при ориентации на взгляды Московской фонологической школы (МФШ), потому фонема рассматривалась как ряд позиционно чередующихся звуков. Разные взгляды на фонему расширяют область данного исследования в контексте проблемы тождеств и различий и расширяют сферу знаний в этой области языка.

Относительно формы и содержания языковых единиц мы считаем правомерным рассматривать в корреляции единицы языка (фонемы) и единицы речи (звуки), так как они включены в системные связи одного уровня. В контексте проблемы тождеств и различий анализ функционирования фонетических единиц проводился с точки зрения позиционные чередования звуков внутри фонемы, так как их можно объяснить относительно современных языковых законов.

Говоря о позиционных чередованиях звуков, мы не можем обойти стороной такое важное для фонетической системы понятие, как «позиция». Именно от сильной и слабой позиции звука в слове зависит его произношение и написание, а значит, и форма.

Сильная позиция – положение, при котором разные фонемы представлены разными звуками, формой при этом будет *звуковая оболочка*, содержание включает фонематический потенциал. Слабая позиция – положение, при котором разные фонемы представлены одинаковыми звуками. Сильной позицией для гласных звуков является позиция под ударением. Следовательно, сегменты «о» и «а» в словах *са́д* и *со́ль* не тождественны ни по форме ([á] – [ó] – ударные звуки), ни по содержанию (<a> – <o>); сегменты «а» и «а» в словах *са́д* и *са́мый* тождественны и по форме ([á] – ударный звук), и по содержанию (<a>). Кроме этого, можно рассмотреть еще множество положений звуков для сегментов «а» и «о», когда они подвергаются, например, аккомодации ([с'•á]дь, с[á• j']ра, в[с'•ó]) и другим позиционным изменениям.

Для гласных звуков слабая позиция – без ударения. Значит, рассматриваемые ранее сегменты «а» и «о» в словах *садо́вый* и *соле́ный* тождественны по форме ([Λ] – [Λ] – качественная редукция, позиция первого предударного звука в слове), но различны по содержанию (<a> – <o>); те же сегменты «а» и «о» в словах *садо́вд* и *соле́ный будд* не тождественны ни по форме ([ъ] – [Λ] – качественная редукция, позиция второго и первого предударных звуков в слове), ни по содержанию (<a> – <o>). Сегменты «а» и «а» в словах *садо́в* и *садо́вд* не тождественны по форме ([Λ] – [ъ] – качественная редукция, позиция первого и второго предударных звуков в слове), но тождественны по содержанию (<a>). Важно, что если мы возьмем гласные сегменты, не подвергающиеся качественной редукции, то анализ сходства и различия будет проходить по такому же пути. Например, сегменты «у» и «у» в словах *му́ха* и *мухо́бойка* не тождественны по форме ([y] – ударный звук, [y] – звук без ударения, подвергается количественной редукции), тождественны по содержанию (<u>). Кроме того, вопрос о статусе [ы] решается в соответствии с концепцией МФШ. Сегменты «и» и «ы» в словах *игра́ть* и *сыгра́ть* различны по форме ([и] – [ы]), но тождественны по содержанию (<i>).

Таким образом, функционирование системы гласных звуков и фонем строится на взаимодействии ударения и позиционных фонетических процессов, что позволяет делать выводы о тождестве и различии характеристик рассматриваемых дефиниций.

Обратимся к анализу согласных. Сильная и слабая позиции для согласных звуков рассматриваются в классификации относительно наличия голоса и шума, поэтому дифференцированы по звонкости/глухости и твердости/мягкости. Позиции для согласных также определяются относительно парности/непарности, причем непарность по какому-либо из артикуляционных признаков является показателем сильной позиции. Так, сегменты «м» и «м» в словах *мама* и *музыка* различны по форме ([м] и [м⁰] лабиализованный), но тождественны по содержанию (<м>); сегменты «х» и «х» в словах *грохот* и *хрип* тождественны и по форме ([х]), и по содержанию (<х>).

По звонкости/глухости сильные позиции также в положениях: перед гласными, перед сонорными, перед [в], [в']. Сегменты «т» и «т» в словах *трон* и *твой* так же тождественны и по форме ([т]), и по содержанию (<т>).

Показателем слабой позиции звука по глухости/звонкости являются положения: на конце слова, перед шумными, кроме [в], [в']. В контексте этого сегменты «д» и «т» в словах *клад* и *сорт* тождественны по форме ([т] и [т], подвергнутый оглушению), но различны по содержанию (<д> – <т>). Сегменты «д» и «т» в словах *лодка* и *отбить* не тождественны и по форме ([т], подвергнутый оглушению, и [д], подвергнутый озвончению), и по содержанию (<д> – <т>).

Сильные позиции по твердости/мягкости для согласных звуков зависят, в том числе и от непарности. Например, сегменты «ч» и «ч» в словах *чашка* и *мяч* тождественны и по форме ([ч']), и по содержанию (<ч'>). Также к сильным позициям по данной характеристике относятся любые положения для [л] – [л'], а также положения: на конце слова, перед гласными, кроме «э», для зубных согласных – перед заднеязычными, твердыми губными и твердыми зубными. Так, сегменты «л» и «л» в словах *стол* и *столлик* не тождественны по форме ([л] и [л'] палатализованный), но сходны по содержанию (<л>); сегменты «т» и «т» в словах *тина* и *тайна* не тождественны ни по форме ([т'] – [т]), ни по содержанию (<т'> – <т>), а слова *тяга* и *мыть* – наоборот, тождественны по форме ([т']) и по содержанию (<т'>).

В слабых позициях по твердости/мягкости согласные звуки оказываются в положениях: для зубных согласных – перед мягкими зубными, мягкими губными; для губных согласные – перед всеми согласными. Например, сегменты «с» и «с» в словах *степь* и *снег* тождественны по форме ([с'] – звуки повергнутые ассимиляции) и по содержанию (гиперфонема <с/с'>). Вопрос о статусе [г], [к'], [х'] и [ж':], [ш':] решается также в соответствии с концепцией МФШ. Например, сегменты «г» и «г» в словах *берега* и *подвиги* различны

по форме ([г] и палатализованный [г']), но тождественны по содержанию (<г>).

Таким образом, функционирование системы согласных звуков и фонем строится на взаимодействии позиционных фонетических процессов и положения сильных и слабых позиций в соответствии с артикуляционной характеристикой звуков, что позволяет делать выводы о тождестве и различии характеристик рассматриваемых дефиниций.

Итак, фонетическая система русского языка, как и любая другая система, основана на взаимосвязи элементов. Работа по осмыслению языкового материала только углубляет наше понимание важности проблемы тождества и различия, позволяет человеку взглянуть на систему языка иначе и, таким образом, развивает мышление.

Литература

1. *Богомазов Г. М.* Современный русский литературный язык: фонетика: учебное пособие. – М., 2001.
2. *Пешковский А. М.* Избранные труды / сост. и ред. И. А. Василенко и И. Р. Палей. – М., 1959. 252 с.
3. *Соссюр де Ф.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург, 1999. 432 с.
4. *Холодов Н. Н.* За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991. 119 с.

Кромер Эрна Владимировна

Ивановский государственный университет

г. Иваново, Россия

ernakromer@yandex.ru

ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В АСПЕКТЕ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Фонемный принцип русской орфографии рассматривается в аспекте проблемы тождеств и различий.

Ключевые слова: фонемный принцип, русская орфография, тождество и различие.

С точки зрения Н. Н. Холодова, разработавшего универсальный онтологический подход к анализу лингвистических явлений,

логической основой научного мышления является поиск сходств (тождеств) и различий [Холодов 1995, Холодов 1998].

Универсальность этого подхода проявляется в том, что он отражает те системные процессы, которые проявляются в языке. Весь механизм языка построен на дихотомии тождеств и различий. Доказательством этого служат исследования, проведенные на разном языковом материале. В данной статье внимание обращается на решение орфографических проблем с позиции МФШ.

Основной принцип русской орфографии в концепции МФШ – фонематический. Он предполагает, что буква на письме есть знак фонемы. **Фонема** с точки зрения МФШ – **парадигма**, выводимая при сопоставлении вариантов и вариаций в пределах одной морфемы. Чтобы соотнести звук с фонемой необходимо представить весь ряд позиционно чередующихся звуков в пределах одной морфемы. Сравнивая и сопоставляя их, находим наименее позиционно обусловленный вариант, по которому и отождествляем фонему. При выделении фонемы осуществляется функциональный подход к звукам речи: одни из них (позиционно обусловленные, слабые) мы объединяем в одну фонему (отождествляем), другие (позиционно не обусловленные, сильные) служат различению слов и морфем. Следовательно, фонема выполняет, с одной стороны отождествительную функцию (*но□с – нос□ тый: н[о]с – н[А]сатый, [о//А]=<о>*), с другой стороны, различительную (ср.: *нос – нас – ног – нож – кож*). Функциональный подход к фонеме позволяет понять, как разное (на уровне звуков – конкретных представителей фонемы в речи) – на самом деле одинаковое (на уровне фонем, уровне языка), и как одинаковое (на уровне звуков) – разное (на уровне фонем).

Проиллюстрируем эту мысль следующими примерами. Сравним словоформы (1) *сом – сома* и (2) *сам – сама*. В корне (1) происходит чередование *[о//А]* – звуки разные, но соответствуют одной фонеме *<о>*, в корне (2) – *[а//А]* разные звуки соответствуют одной фонеме *<а>*. В то же время одинаковые звуки (1) *[А]* – (2) *[А]* соответствуют разным фонемам *<о>* и *<а>*. Морфемы разные, ряды чередований разные, следовательно, и фонемы разные! Сравнивая и сопоставляя фонемные ряды в пределах морфем, лингвисты МФШ отождествляют и различают по-разному функционирующие фонемы. Представители МФШ разработали учение о сильной и слабой позиции фонем, понятие нейтрализации, понятие гиперфонемы. Фонемная теория МФШ помогает установить органическую связь между фонемой и морфемой и тем самым между фонетической системой

и грамматическим строем языка, словарным составом языка. Большинство морфем имеет тождественный фонемный состав. Фонемная теория МФШ имеет прямой выход в орфографию.

С точки зрения лингвистов ПФШ **фонема** – всего лишь **звукотип**, который по физиолого-акустическим признакам опознается говорящим! Для определения состава фонем не требуется сравнение и сопоставление морфем, выстраивание рядов позиционно чередующихся звуков, достаточно в пределах определенной словоформы опознать звукотипы.

Проиллюстрируем эту позицию на примерах, рассмотренных выше. При сравнении словоформ (1) *сом* – *сома* и (2) *сам* – *сама* оказывается, что в пределах одного корня опознаются разные фонемы: <o> и <a>, происходит чередование фонем (не звуков, как у МФШ!): $c[o]m - c[a]ma = <o>/<a>$. Звук [л] не может быть опознан как <o>, так как не является лабиализованным, он ближе к <a>. Во второй паре словоформ (2) *сам* – *сама* в корне в обоих случаях опознается фонема <a>. Между словоформами (1) *сома* и (2) *сама* различий на фонемном уровне нет. Объяснение таким чередованиям – сознание говорящих, их опыт опознавания. Это не исторические чередования, которые являются результатом словоизменения или словообразования и закономерно отражаются на письме! Фонема определяется лингвистами ПФШ вне функционального подхода (ср. МФШ). отождествление сходных в физиолого-акустическом отношении звуковых единиц, различающихся в сильных и слабых позициях, ведет к отрыву фонетической системы от грамматического строя и словарного состава языка. В пределах морфемы оказываются возможны не только исторические чередования фонем, но и субъективные чередования, опознаваемые говорящими! Фонемная теория ПФШ не имеет прямого выхода в орфографию, в решение орфографических проблем!

Позиция лингвистов МФШ по отношению к фонеме позволяет осознать суть основного принципа орфографии как фонематического! Основной принцип орфографии по ПФШ – морфологический (точнее морфемный, морфематический!), требующий единства графического облика морфемы. Позиция лингвистов ПФШ по отношению к фонеме не имеет объяснительной силы при решении вопросов орфографии. В частности, как объяснить написание слова *сома* через **О**, при соответствии этой буквы фонеме <a>? Только общим требованием сохранять единый облик морфемы. Лингвистически грамот-

ное решение многих проблем орфографии возможно только с опорой на позицию МФШ. К ней и обратимся.

Лингвисты МФШ в качестве объекта написания выбирают не морфему в целом (как у ПФШ), а фонему в составе морфемы, поэтому принцип орфографии и называется фонематическим или фонемным. В школьной практике, некоторых вузовских учебных пособиях основной принцип орфографии называется морфологическим. Это не совсем корректно и точно, так как встречаются случаи, когда в пределах морфемы буквы пишутся в соответствии с разными принципами. Так, в корне слова *вокзал* написание букв *о* и *к* подчиняется традиционному принципу орфографии, в то время как написание остальных букв в этом корне фонемно! Именно поэтому лингвисты МФШ настаивают при выборе написания ориентироваться не на морфему в целом, а на букву в составе морфемы!

В большинстве школьных учебников решение вопросов орфографии строится не с опорой на принципы орфографии (общие основания для написания слов и морфем), а с опорой на орфографические правила (приложение тех или иных принципов к конкретным языковым фактам), которые привязаны к той или иной морфеме (правописание гласных / согласных проверяемых / непроверяемых в корне, суффиксе, приставке, окончании). Кроме того, в школьной программе не вводятся такие важные и системные понятия, как «фонема», «позиция: сильная/слабая», «чередование». Стоит ли удивляться тем результатам в области орфографической грамотности, которыми «блещут» школьники.

Фонемный принцип орфографии требует соблюдения двух основных положений: 1) *единообразия написания* (тождества графического изображения) *буквы в составе морфемы*, независимо от разных фонетических условий; 2) *мотивированность написания наличием опорного произношения* для слабых фонем (поиск сильного, опорного произношения возможен при сравнении ряда вариантов, установления их функциональных различий и отождествление по сильному варианту).

Единое написание морфемы лингвисты МФШ объясняют тем, что большинство фонем передается на письме по их сильной позиции в той же морфеме: *сад* – *сады* – *садовод*. Фонемному принципу подчиняется 90% русских написаний и лишь 10% – нефонемные написания. Поэтому основная задача пишущего – понять суть этого принципа, овладеть методикой анализа, т. е. выработать единый способ действия и им руководствоваться. Вся логика работы

должна быть направлена на то, чтобы показать, что орфография, по словам М. В. Панова, «не свалка разношерстных правил, а исторически сложившееся единство» [Панов 1989: 155].

Надежной фонетико-фонологической базой для сознательного овладения способом действия при решении орфографических задач является работа с различными видами научно-лингвистических транскрипций.

Умение представлять различные виды транскрипции не является самодостаточным: с одной стороны, это результат комплексного применения знаний из смежных дисциплин, с другой стороны, это стартовая площадка для решения проблем графики и орфографии.

Алгоритм рассуждений следующий:

1. Записываем слово в фонетической транскрипции, которая представляет реальное звучание.

2. Определяем сильные и слабые позиции гласных и согласных звуков.

3. Записываем словофонематическую транскрипцию, которая отражает состав сильных и слабых фонем в конкретной словоформе.

4. Записываем морфофонематическую транскрипцию, отражающую возможный состав сильных фонем в морфеме.

5. Сравниваем фонемную запись с орфографическим обликом слова.

6. Делаем вывод о принципе орфографии в написании каждой буквы в составе морфемы.

7. Грамотно оформляем свои выводы.

Записав словофонематическую транскрипцию, мы можем определить ошибкоопасные места: фонемы в слабых позициях. А далее при записи морфофонематической транскрипции для каждой слабой фонемы подыскиваем сильную позицию в той же морфеме. Опорные позиции – есть мотивация выбора. Если нет сильного варианта, записываем гиперфонему.

После записи всех видов транскрипции, сравниваем фонетическую, фонемную запись с орфографическим письмом и решаем вопрос о принципе орфографии при выборе буквенного обозначения.

Если соблюдаются единообразное написание буквы в морфеме и присутствует мотивированность выбора буквы (об этом свидетельствуют опорные слова, записанные в скобках!), делаем вывод о действии фонематического принципа орфографии.

Если нарушается единообразное написание, при наличии мотивированности, делаем вывод о действии фонетического принципа орфографии (ср., например, правописание приставок на *з/с*).

Если нарушается мотивированность написания, свидетельством чему является наличие гиперфонемы в морфофонематической транскрипции, делаем вывод о действии традиционного принципа орфографии. Это так называемые словарные слова, написание которых надо запомнить.

В соответствии с предложенной логикой разбора доказательно определяется (а не просто констатируется) принцип написания.

Например, предлагается задание:

Сравнив произношение и написание одной и той же морфемы в разных фонетических условиях, установите принцип написания слов *подкрепиться, расположение*.

Последовательность действий такова:

1. Запишем слово в фонетической транскрипции:

$\overline{\text{подкре}^{\text{т}}\text{п}^{\text{т}}\text{и}^{\text{т}}\text{сь}^{\text{а}}}$
[п'ѣткр'и'п'и ѣц'] (обращаем внимание, что [и] появился в результате слияния [m + c]).

2. Определим позиции фонем.

[п'ѣткр'и'п'и'ѣц']

3. Запишем словофонематическую транскрипцию:

/пѣткр'ѣп'ицѣ/

Слабые фонемы (/ѣ, т₂, ѣ₁/) представляют собой орфограммы, это ошибкоопасные места, требующие внимания при выборе буквенного соответствия для слабой фонемы.

4. Запишем морфофонематическую транскрипцию.

Все опорные слова и есть проверки для слабых позиций, для орфограмм.

<подкр'ѣп'иц'ѣ> (по ѣнял, подкрепится, неѣти, принялся)

5. Сопоставим фонемы и соответствующие им буквы, чтобы установить, чему соответствует буква. Помним, речь идет о концепции МФШ, следовательно, анализируем каждую букву в составе той или иной морфемы.

Буквы **п**, **о**, **д** в приставке соответствуют сильным фонемам <п>, <о>, <д>, написание их единообразно и мотивировано (*поднял*)., следовательно, буквы пишутся по фонематическому принципу орфографии.

Буква **е** в корне слова соответствует фонеме <э>, написание ее одинаково и мотивировано (*подкрепится*). Выбор буквы для обозначения фонемы определяется необходимостью обозначить мягкость

предшествующего согласного. Слоговой принцип графики не противоречит фонемному принципу письма.

Звук [и] – результат стяжения, он находится на границе морфем. Необходимо установить фонемный состав этих морфем в отдельности. Для МФШ морфемный критерий важен! Для суффикса инфинитива сильные фонемы отмечены в варианте *ти* (*нести*), для возвратного суффикса в слове *принялся* □. Таким образом, мы видим, что и здесь каждая буква в этих морфемах пишется в соответствии с фонемным принципом орфографии. При выборе буквы для обозначения фонемы <a> учитывается необходимость обозначить мягкость предшествующего согласного.

6. Анализ показал, что каждая буква в морфемах этого слова пишется в соответствии с фонематическим принципом орфографии.

расположени]Е
 [р̄ъсп̄ъл̄жэ́ □ н̄ӣѣ̄]
 [р̄ъсп̄ъл̄жэ́н̄'ӣѣ̄]
 /р̄о̄с̄₂п̄о̄л̄л̄жэ́н̄'ӣѣ̄₁/
 <ра/озп̄^оложэ́н̄'ӣѣ̄> (разум, роспись, расположен, окно)

Буква *с* в приставке пишется **по фонетическому принципу**: написание не единообразное (ср.: *разбросать*, *расположить*), но мотивированное: перед гласным, звонким парным согласным и сонорным пишется -з, перед шумными -с.

Первая гласная в корне слова пишется одинаково, но написание не мотивировано (нет сильной позиции), буква соответствует гиперфонеме. Нарушено 2-е требование фонематического принципа орфографии. Буква *о* в корне слова пишется **по традиционному принципу орфографии**.

Все остальные буквы в приставке, корне, суффиксе и окончании пишутся по фонематическому принципу орфографии (единообразно и мотивированно).

Таким образом, мы убеждаемся, что в основе современного русского письма лежит фонематический принцип, который определяет выбор буквенного обозначения. Графика дополняет его слоговым принципом. Орфография доказывает важность фонемного принципа при обозначении слабых фонем.

Фонемная основа орфографии позволяет таким образом привести в соответствие логику формирования действия и последовательность анализа, воспитывает умение мыслить лингвистически!

Комплексное изучение данного материала с концентрацией внимания на принципы письма способствует формированию системного подхода к анализу языкового материала.

Н. Н. Холодов рассматривал проблему тождества и различия на синтаксическом материале. Наблюдения, представленные в данной статье, показывают изморфизм процессов происходящих на разных языковых уровнях, доказывают мысль Н. Н. Холодова, что «весь прогресс исследования языка есть не что иное, как открытие в нем сходного и разного, их бесконечных в количественном и качественном отношении "обличий"» [Холодов 1998].

Литература

1. *Панов М. В.* Теория письма. Орфография // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М., 1989.
2. *Холодов Н. Н.* О проблеме тождеств и различий в науке о языке // Ивановский государственный университет: Юбил. сб. науч. ст. Иваново, 1998. С. 38–62.
3. *Холодов Н. Н.* Онтолого-лингвистическая проблема тождеств и различий и формы ее существования в науке о языке (Древняя Греция – конец XX в.) // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. Т. 2. – М., 1995. С. 528–529.

Кедря Наталья Николаевна

Ивановский государственный университет

г. Иваново, Россия

natalya.kedrya@yandex.ru

ПРОТИВИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ *НО* В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ (на материале женской прозы первой половины XIX в.)

В данной статье приведены результаты анализа противительно-ограничительных построений с союзом *но*. Выявлены особенности их употребления в женской прозе первой половины XIX века. Результатом исследования является установление статуса союза *но* как средства, актуализирующего отношения несходства.

Ключевые слова: союз, несходство, семантико-синтаксические условия функционирования союза *но*.

В лингвистике последних десятилетий наметилась отчетливая тенденция исследовать функционирование неполнозначных слов главным образом в сложном предложении и тексте [Лобанова 2000: 4]. Однако «наши знания в изучении русского языка растут. Исследуя объект, мы с радостным удивлением обнаруживаем в нем новые стороны и свойства, новые аспекты, объект предстает перед нами все более разносторонним и сложным [Золотова 1985: 88–89]. Важнейшим результатом исследований синтаксистов явился метод-подход, который заключается в понимании языка как объекта, устроенного на базе дихотомии тождеств и различий. Подробно эта концепция изложена в трудах доктора филологических наук профессора Ивановского университета Н. Н. Холодова, его коллег и его аспирантов. Системное обследование синтаксических особенностей функционирования союза **но** на уровне сложного предложения в аспекте проблемы тождеств и различий позволило выявить структурно-семантическое разнообразие рассматриваемых конструкций. Предложения с союзом **но** загружены различными значениями частного характера, однако все они объединены общим значением несходства. Частные смысловые отношения, характерные для построений с союзом **но**, подробно описаны Н. Н. Холодовым в работе «Сложносочиненное предложение в современном русском языке»: противительные-ограничительные отношения, отношения противительного несоответствия, собственно противительные отношения, отношения независимости результата и вывода, противительно-следственные отношения, противительно-распространительные отношения [Холодов 1975]. Позднее выявлены особенности системы сложносочиненных предложений русского литературного языка второй половины 18 века [Ларина 1987], обнаружено наличие частных значений в построениях с союзом **но** на уровне текста [Здорикова 1999] и простого предложения [Лобанова 2000].

В отечественной филологии прозе русских писательниц первой половины XIX века уделялось мало внимания, однако в последнее время в связи с ростом количества гендерных исследований интерес к их творчеству значительно возрос. Женский текст имеет свои отличительные особенности. Каждое действие автор пытается мотивировать, объяснить, дополнить; это затрудняет процесс точного установления типа смысловых отношений в конструкциях с союзом **но**, однако тщательный анализ лексико-грамматического наполнения компонентов предложения и отрезков текста, учет контекста произведения показывают, что характер отношений нередко бывает син-

кретичным, очевидно, обусловлено это тем, что герои в произведениях писательниц – люди сомневающиеся, чем, вероятно, объясняется частотность употребления построений с противительно-ограничительными отношениями. В работе будут рассмотрены синтаксические построения разных уровней: простые предложения, сложносочиненные предложения, отрезки текста.

Построения с противительно-ограничительными отношениями характеризуются тем, что «содержание второго компонента подается как нечто препятствующее реализации того, о чем говорится в первом компоненте» [Холодов 1975: 107]. В данной группе предложений выделяют несколько разновидностей частного характера.

«В первом компоненте предложений первой разновидности о различных действиях, состояниях и так далее сообщается только как о возможных, необходимых, предпочтительных» [Холодов 1975: 108].

«Если б он был умен и деятелен, то упрямство его, может быть, принесло бы ему пользу. Но он учился с грехом пополам, ума особенного не имел, деятелен был только на словах» [Дача на Петергофской дороге: 354].

В первом предложении сообщается о возможном действии (*упрямство принесло бы пользу*), которое может быть осуществлено только при соблюдении определенных условий (*если б был умен и деятелен*). Действие выражается глаголом в форме сослагательного наклонения, состояние – прилагательными при глаголе тоже в форме сослагательного наклонения. Во втором предложении содержится характеристика героя, которая мешает реализации действия: *учился с грехом пополам, ума особенного не имел; деятелен был только на словах*.

«В предложениях второй разновидности действия, о которых говорится в первом компоненте, подаются уже как намеченные к осуществлению» [Холодов 1975: 109].

«Купчиха вздрогнула, хотела перекреститься, но – это не в моде» [Дача на Петергофской дороге: 74].

В первом компоненте намеченное к осуществлению действие обозначается глаголом *перекреститься* в форме инфинитива и модальным глаголом *хотела*. Во втором компоненте сообщается, что мешает героине осуществить действие: *креститься сейчас не в моде*. Причина, ограничивающая намеченное к осуществлению действие, подается имплицитно, выводится из контекста: *«Федулова не понимает: что, как, почему и отчего делается у них так, а не иначе»* [Дача на Петергофской дороге: 74], однако принятые в обществе нормы поведения соблюдает. Подобное построение предложения характерно для женской прозы.

«В первом компоненте предложений третьей разновидности сообщается о начатых, но прерванных действиях или состояниях, а во втором – о помехах, чем прерваны действия или состояния» [Холодов 1975: 109].

«Шайка древлян вступилась было за них, но вмиг отражена киевлянами» [Дача на Петергофской дороге: 59].

В первом компоненте начатое, но прерванное действие обозначается глаголом *вступилась* с частицей *было*. Во втором компоненте говорится о том, чем было прервано начатое действие: *вмиг отражена киевлянами*. В начавшейся драке киевляне смогли сдерживать натиск противника, остановить на время начатый бой.

«В предложениях четвертой разновидности первый компонент подает действия как реализующиеся или реализованные в полном объеме, однако не достигнувшие цели, результата» [Холодов 1975: 110].

«Кони дрожат, становятся на дыбы, фыркают, пятятся назад, но сильные руки их удерживают; железо их пронзает – они с судорожным движением падают на землю» [Дача на Петергофской дороге: 47].

В первом компоненте цель действия не конкретизируется при сказуемых с более / менее определенно выраженным значением целенаправленности: кони, предчувствуют беду, пытаются высвободиться с целью убежать от того места, куда их привели (*становятся на дыбы, фыркают, пятятся назад*). Во втором компоненте раскрывается причина, по которой реализующееся действие так и не достигло результата: *сильные руки их удерживают*. В итоге, не сумев вырваться, кони погибают.

«В предложениях пятой разновидности содержанием первого компонента отражается конечный результат различных действий или состояний и представляет собой ситуацию, в соответствии с которой могли бы реализовываться другие действия или состояния» [Холодов 1975: 111].

«Бегодня и шум в коридорах затихли; я задремал. Но стук в дверь заставил меня пугливо вскочить» [Дача на Петергофской дороге: 352].

В первом предложении отражается конечный результат действия, в соответствии с которым могли бы реализовываться другие действия: герой *задремал*, поскольку в коридорах стало тихо, и ожидается, что далее он будет спать. Во втором предложении говорится о помехах, препятствующих возникновению этих других действий или состояний: стук в дверь (звуковая помеха, нарушение создавшейся тишины) помешал ему спать.

«Предложения со значением уточняющего ограничения примечательны тем, что содержание первого компонента в них подается как

сказанное в общем, «округленно», в отвлечении от того, что не охватывается общим. Во втором компоненте как раз и сообщается о том, что не подходит под общее, что исключается из него» [Холодов 1975: 112]. Наиболее распространены предложения, в которых обнаруживается значение уточняющего ограничения в аксиологическом аспекте.

«Скажем только, что изумленному взору Константина предстала девушка очень небольшого роста, но красоты ослепительной...» [Дача на Петергофской дороге: 124].

В первой части говорится о том, что девушка обладает *очень небольшим ростом*. Согласно данным «Словаря современного русского литературного языка» под ред. В. И. Чернышева, «небольшой – 1. Малый, ограниченный в размерах» [ССРЛЯ т. VII: 713 – 714]. Вероятно, эта ограниченность и дает словосочетанию *небольшой рост* оценочное значение *плохо*, усиливает которое наречие *меры* и степени *очень*. Во второй части сообщается, что при своем низком росте девушка была *красоты ослепительной*. Оценочное значение *хорошо* содержит в себе не только слово *красота* – «1. Свойство, качество красивого, прекрасного» [ССРЛЯ т. V: 804], но и определение *ослепительная* – «2. *Перен.* Великолепный, поражающий» [ССРЛЯ т. VIII: 561].

Среди конструкций с отношениями уточняющего ограничения частотны построения, в которых происходит ограничение общего отрицательного наличием чего-то положительного. Причем если ограничивающий фактор является значительным, то эти предложения приобретают ограничительно-возмездительный характер.

Противительно-ограничительные предложения являются наиболее частотными в женской прозе первой половины XIX века. Писательницы пытаются углубить нравственный, психологический анализ исследуемых ситуаций, раскрыть противоречивость поступков героев, чьи стремления оказываются неисполнимыми по причине несовместимости их намерений, поступков со сложившимися жизненными обстоятельствами. Союз *но* подчеркивает противоречивость противительно-ограничительных отношений, в которых отражается нелепость, нерешительность, незаинтересованность героя в исполнении своих желаний.

Несмотря на разнообразие разновидностей противительно-ограничительных построений, союз *но* является актуализатором отношений несходства в синтаксических конструкциях всех уровней: членов предложения, частей сложносочиненного предложения, отрезков текста.

Литература

1. *Здорикова Ю. Н.* Сложносочиненные предложения с союзом *но* и соотносительные с ними текстовые построения: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1999.
2. *Золотова Т. А.* К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. С. 87–98.
3. *Ларина Е. А.* Сложносочиненные предложения в русском литературном языке второй половины XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1987.
4. *Лобанова Т. А.* Синтаксические условия функционирования слова *НО* в простом предложении. – Иваново, 2000.
5. *Дача на Петергофской дороге: проза русских писательниц первой половины XIX века.* – М.: Современник, 1986.
6. *Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышева.* – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948 – 1965.
7. *Холодов Н. Н.* Сложносочиненное предложение в современном русском языке. – Смоленск, 1975.

Корнилова Елена Владимировна

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
г. Санкт-Петербург, Россия
lapakor@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛОВ-ЧАСТИЦ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОФИЛО- СОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Статья посвящена проблеме функционально-семантического анализа служебных слов современного русского языка в свете лингвофилософской теории тождеств и различий. Слова-частицы представлены как актуализаторы данных отношений – особые семантические объекты, несущие информацию о важнейших принципах устройства языковой системы и деятельности познающего сознания. В качестве примера приводится эскизное описание полифункционального слова *однако* как универсального актуализатора семантики различия и антипода слова *и*.

Ключевые слова: языковая картина мира, проблема тождеств и различий, слова-частицы, семантический актуализатор, полифункциональность, полисемия.

Язык является важнейшей формой человеческого бытия: мир человека вербализован, в языке воплощается работа сознания, аккумулируется культурологический опыт. Сложное соотношение языка и мышления, языковой семантики и знаний о мире в современном языкознании рассматривается с позиций ментального опыта человека, способного к созданию концептуальной картины мира и ее языкового аналога (Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, Г. В. Колшанский, В. И. Постовалова и др.). Познавательная деятельность человека так или иначе ведет к ментальному и семантическому «расчленению» мира на тождественное и разное. По Н.Н. Холодову, диалектически неразрывный феномен сходств и различий можно рассматривать как всепроникающий принцип устройства языка, некую субглубинную лингвистическую реальность, которая проявляется во множестве представлений бинарного порядка («утверждение – отрицание», «согласие – несогласие» и т. д.) на всех языковых уровнях [Холодов 1991: 100–107].

Гипотеза о существовании данного субвариантного (ядерного) биннома языка восходит к идеям Марка Теренция Варрона, Ибн Сины (Авиценны), В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, М. В. Ломоносова. Бесконечные тождества и различия в мире, моделирующие представления о его единстве и многообразии форм проявления этого единства, позволяют возвести проблему тождеств и различий в ранг лингвофилософской, онтологической. Кроме того, поступательное преодоление интуитивных и декларативных начал в освоении названной проблемы путем сознательного соединения ее теоретических и прикладных аспектов способствовало формированию принципиально нового лингвистического метода исследования самого разнообразного языкового материала (школа профессора Н. Н. Холодова).

Своеобразными сигналами, или актуализаторами, отношений тождеств и различий являются так называемые *слова-частицы* (неполнозначные слова, реляционные единицы), которые по существу не знают ограничений в отношении позиций их использования и употребляются на всех уровнях (от простого предложения до текстовых отрезков различного объема) и во всех типах текста (монологическом, диалогическом и диалого-монологическом). Общность функций, заложенных в самой природе неполнозначных слов, подтверждается, например, наличием переходных зон между разными разрядами служебных ресурсов русского языка, а также гибридных слов, которые характеризуются комплексными терминами типа «союз-частица». В защиту интегрирующего принципа при определении места служебных единиц языка в системе частей речи выступа-

ли еще О. Есперсен и В. В. Виноградов, по терминологии которых все разряды служебных слов составляют один – «частицы» (оппозиция «части речи» – «частицы речи»).

Проблема разноаспектного исследования данных единиц и их лексикографической интерпретации особенно актуальна для современной лингвистики в связи с отчетливо наметившимся «поворотом» к грамматической семантике. Заметим, что в истории русской синтаксической науки предпринимались различные попытки описания функционально-семантической сущности конкретных союзов, частиц, метатекстовых скреп, вводно-модальных слов и в целом служебных и дискурсивных единиц с точки зрения различных подходов – структурно-семантического, коммуникативно-прагматического и др. Однако в процессе определения лексико-грамматического статуса этих словарных единиц и выявления их морфологического варьирования до сих пор остается много противоречивого и стихийного.

Особые трудности вызывает семантический анализ релятивов, несмотря на интенсивную и весьма успешную разработку метаязыка семантики. Представления о понятийном содержании этого класса слов в историческом синтаксисе колебались от полного отрицания их лексического статуса (вплоть до отождествления их с аффиксами) до признания их близости к знаменательным словам. В настоящее время в понимании семантики служебного инвентаря языка получил распространение подход, согласно которому данные слова, не будучи средством номинации конкретных реалий, служат для передачи наиболее общих смысловых отношений между предметами и явлениями действительности и соответствующими им понятиями, в чем и состоит их специфическое, в высшей степени абстрактное значение. В свое время Д. Н. Шмелев предложил называть слова типа *однако*, *зато* «экспликаторами отношений логической обусловленности (ОЛО)», т.к. их основное назначение в языке – обозначение смысловых отношений [Грамматические исследования 1991: 204].

В современных исследованиях слов-частиц мы находим весьма интересные идеи, еще раз подтверждающие объективный характер и фундаментальность основных положений теории тождеств и различий. Так, Е. В. Урысон в своей монографии, посвященной полисемии русских союзов и частиц, последовательно проводит мысль о том, что семантическое описание служебных слов вторгается в область психологии, т.к. данные языковые средства, в первую очередь союзы, являются «*особыми семантическими объектами*»: ядерные компоненты их значения «указывают на самые элементар-

ные формы деятельности сознания, на простейшие ментальные операции», в силу чего они с трудом поддаются истолкованию [Урысон 2011: 9]. Итак, с одной стороны, в содержательно-семантической структуре этих единиц языка интуитивно вычленяется какой-то простой и ясный смысловой компонент, отражающий «обыденную логику». С другой стороны, слова-частицы в их широком понимании представляют собой сложно организованные лексемы, которые модифицируются в зависимости от контекста и приобретают разнообразные «смысловые добавки». При этом среди различных лексико-семантических вариантов неполнозначного слова важно выявить некий «долексемный» компонент, то семантическое «ядро», которое их объединяет.

Онтологическая проблема тождеств и различий является одной из наиболее перспективных и уже в достаточной степени реализованных теорий в изучении природы неполнозначных слов. Согласно данной теории, все союзы, союзоподобные элементы и вообще слова-частицы в их широком понимании представляют собой своеобразные «атомы смысла», ключ к дешифровке редчайшей информации о принципах устройства языковой системы. Слова типа *и, но, однако, зато, тоже, даже* и др., как уже говорилось, выступают «актуализаторами» отношений тождеств и различий, причем не иначе как благодаря своему собственному, инвариантному значению. Например, слово *зато*, совпадая по видовой семантике различия, противительности со словами *а, но, однако*, специализируется на актуализации противопоставлений аксиологических аспектов в плане «хорошо – плохо» (и наоборот) благодаря своей постоянной семантике возмещения (*Приют наш мал, зато спокоен.* – М. Лермонтов) [Лиган Ван 1994].

Универсальными и наиболее мобильными актуализаторами отношений тождеств и различий в современном русском языке являются (соответственно) слова *и* и *однако*. По данным Т. М. Николаевой, союз-частица *и* относится к числу древнейших минимальных и неразложимых языковых элементов с дискурсивной семантикой, названных «партикулами» и отличающихся «свободой поведения» и «функциональной диффузностью». Примечательно, что большинство общеславянских частиц легко меняют свою «позиционную привязку» [Николаева 1985: 17]. Н. Н. Холодов, посвятивший монографию этому уникальному по своей частотности «мини-слову» русского языка, утверждал, что оно и в роли союза, и особенно в роли частицы именуется всякую аналогичность или вынуждает конструировать затекстовую семантику сходства [Холодов 1991: 67].

Е. В. Урысон также подчеркивает, что в разнообразных контекстах союзом-частицей *и* сохраняется след семантики *сходства или тождества объектов* по какому-либо признаку: «Важно, что слово *и* может обозначать тождество сущностей, достаточно разных по своей природе – от тождества конкретных референтов до тождества тем повествований» [Урысон 2011: 311].

Своеобразным антиподом слова *и* выступает слово *однако* (предмет нашего специального исследования), которое было зафиксировано в письменных памятниках эпохи становления русского национального языка [Атаева (Корнилова) 1998]. Слово *однако* (ср.: *одинако, однакожь, одиначе, однакожде, однакожды, единако, единаче*) изначально входило в блок противительных союзов, организованных на базе союза *но*, актуализирующего неаналогичное противоположное, в то время как другой блок был организован на базе союза *а*, сигнализирующего о неаналогичном разном. Таким образом, союзы *но* и *однако* изначально находились «по одну сторону» данной эквивалентной оппозиции, что и предопределило их функционально-семантическую близость. В литературных памятниках XVIII в. союзы *но* и *однако* употреблялись равноправно, но в этот период наметилась тенденция к расширению сферы позиций использования слова *однако*.

В отличие от синонимичного *но*, слово *однако* относится к инициально-интерпозитивным показателям связи. Оно способно функционировать даже в постпозиции, причем, перемещаясь в интер- или постпозицию по отношению ко второму связываемому компоненту, союз *однако* автоматически приобретает статус вводного слова. Ср.: *Его ждали, однако он не пришел; Его ждали, он, однако, не пришел; Его ждали, он не пришел, однако*. Такими богатыми позиционными возможностями не обладает ни одно служебное слово противительного типа, что позволяет назвать *однако* наиболее «мобильным» и универсальным показателем (актуализатором) отношений различия.

Уникальная полифункциональность слова *однако* проявляется в том, что оно употребляется в современной русской речи в следующих функционально-позиционных вариантах: 1) союз (*Я немного поколебался, однако сел.* – И. Тургенев; *Надлежало наказать упрямство. Однако насмешки не должны были идти слишком далеко.* – Ю. Тынянов); 2) вводное слово (*В баньке еще темно, окошко, однако, светлеет – рассвет.* – В. Быков); 3) конкретизатор / квалификатор при сочинительных союзах *и, но, а* (*Я ловчее вас, и однако вот предлагаю вам, как благородный человек, дружбу...* – В. Крестовский);

4) частица – между разнофункциональными / неоднородными членами предложения (...*Богомолову трижды звонил, однако без толку.* – В. Замыслов); 5) междометие (– *Вам уже удастся отличать поля гроз от полей ливней? – Однако! Вы хорошо осведомлены.* – Д. Гранин).

Слово *однако* выступает постоянным материальным показателем, актуализатором семантики нетождества, различия в конструкциях с разнообразными частными значениями: противительного несоответствия, противительно-ограничительным, собственно противительным, со значением независимости результата, а также противительно-распространительным. Отметим, что среди всех синтаксических построений с *однако* наиболее частотны конструкции со значением противительного несоответствия, когда излагаемое во 2-й части противоположно тому, что было бы естественно и закономерно при условиях, о которых сообщается в 1-й части. Например: *Болезнь у нее была давняя, затяжная, однако переносила ее на ногах и никогда ни на что не жаловалась* (В. Мазурин); *Поставленные в лаборатории опыты должны были подтвердить предсказания теории. Однако этого не случилось* (В. Гроссман). По всей видимости, высокая частотность подобных конструкций свидетельствует о том, что в высшей степени противоречивое, алогичное значение несоответствия наилучшим образом согласуется с семантикой самого *однако* – усиленной противоположности.

При функционально-семантической характеристике служебного слова необходимо учитывать и прагматические факторы. Так, вслед за Н. П. Перфильевой мы можем утверждать, что, используя *однако*, а не *но* (чаще всего после точки), референт реализует следующие интенции: 1) интенсивнее обозначить адверсативные отношения; 2) акцентировать внимание адресата на правом контексте *однако*, интонационно выделить его в потоке речи; 3) разукрупнить экстенсифицированные структуры для облегчения акта коммуникации [Перфильева 1992: 82].

В этой связи заметим, что в роли междометия *однако* также обнаруживает индивидуальную семантику усиленной противоположности, поскольку в эмоционально-экспрессивной форме выражает *неприятное удивление, недовольство, недоумение, несогласие*, т. е. *нетождество*, различие во мнениях или в отношении к происходящему.

Таким образом, слово *однако* является аналогом союза *но*, но отличается от него своей полифункциональностью (наибольшим разнообразием функционально-позиционных вариантов), книжной

стилистической окраской и максимально усиленным признаком противоположности в своей семантической структуре. Высокая частотность употребления *однако* после точки в бинарных текстах и более объемных сверхфразовых единствах позволяет заключить, что текстообразующая функция для данного слова является ведущей.

Предложенное эскизное описание функционально-семантической сущности служебных слов современного русского языка (например, слова *однако*) позволяет, тем не менее, выявить некоторые важные особенности языковой картины мира. Как пишет Н. Н. Холодов: «Бездонная и коварная глубина феномена «сходное – разное», представляющего собою сжатую абстракцией до миниатюры бинома общую картину интуитивного понимания человеком принципов устройства мироздания, скрыта за видимостью ультраординарной простоты...» [Холодов 1991: 102]. Однако семантический анализ неизбежно связан с упрощением. Декарт считал чрезвычайно важным критерием исследования то, что может быть названо *интуитивной очевидностью*. Лейбниц думал о создании такого «языка мысли» (*lingua mentalis*) – каталога понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши представления. На этих идеях построена *теория семантических примитивов* А. Вежбицкой, согласно которой союзы характеризуются весьма большой семантической простотой, как и большинство грамматических элементов (ср. с гипотезой Е.В. Урысон о психологической природе ядерных компонентов их значения) [Вежбицкая 1996].

Таким образом, исследование слов-частиц как специальных средств актуализации отношений тождеств и различий является чрезвычайно важной задачей современной лингвистической науки, поскольку оно не только позволяет по-новому взглянуть на их лексический статус, функционально-прагматическое назначение, индивидуальную семантику, но и приоткрывает завесу над проблемой языкового видения мира.

Литература

1. *Атаева (Корнилова) Е. В.* Синтаксические построения со словом *однако* и вопрос о его семантике: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1998.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
3. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис / под ред. Д. Н. Шмелева. – М., 1991.
4. *Лиган Ван.* Синтаксические построения со словом *зато* и вопрос о его значении: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1994.

5. *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. – М., 1985.
6. *Перфильева Н. П.* Семантика и особенности функционирования союза *однако* в современном русском литературном языке // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. – Новокузнецк, 1992. С. 76-82.
7. *Урысон Е. В.* Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. – М., 2011.
8. *Холодов Н. Н.* За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991.

Ларина Елена Анатольевна, Ле Тхи Дык Хай
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
elenalarina@list.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ В ЯЗЫКЕ

Рассматриваются проблемы омонимии, разные типы грамматических омонимов, особенности омонимии слов состояния и других частей речи с позиций сходного и разного в языке.

Ключевые слова: грамматические омонимы, омонимичные формы, сходное и разное, слова состояния.

Явление омонимии в русском языке распространено на разных уровнях, но прежде всего – в лексике и грамматике. Определенные проблемы в области лексической омонимии неоднократно отмечались, но еще больше проблем в сфере омонимии грамматической. Проблемы грамматической омонимии носят научный, лингвометодический и прагматический характер. Нет однозначного определения грамматических омонимов, не разработана их типология, не ясно, какие методические подходы при изучении грамматической омонимии следует использовать, на какие научные достижения лучше опираться. Существует и прагматический аспект: ученик в школе и студент вуза не может в полной мере овладеть знаниями русского языка и выполнить соответствующие задания, если он не умеет различать грамматические омонимы.

Подход с позиций теории сходного и разного в языке может помочь разработать более совершенную классификацию грамматических омонимов, чем те, что существуют сегодня в науке, и найти критерии разграничения грамматических омонимов разных типов. Н. Н. Холодов когда-то отмечал, что отношения сходств и различий пронизывают, «прошивают» всю ткань языка [Холодов 1991: 69]. Совершенно очевидно, что эти отношения имеют место и в области грамматической омонимии.

В науке существуют два основных подхода к пониманию грамматических омонимов. В одних случаях понятие грамматического омонима приравнивается к понятию омоформы, и грамматическим омонимам дается определение такого типа: «Омонимичными могут быть также грамматические формы слов – грамматические омонимы» [Лингвистический... 1990: 345]. Обычными примерами-иллюстрациями в этих случаях служат слова три, печь, стекло и т.д. В других случаях отождествления понятий грамматического омонима и омоформы не происходит.

Так, детальная классификация омонимов предложена в словаре Ю. Н. Гребневой [Гребнева 2011]. Предлагается различать лексические омонимы и омоформы, грамматические омонимы и омоформы, функциональные омонимы и омоформы, причем последние у одного и у разных слов, то есть выделяется 7 групп омонимов, при этом лексическая и грамматическая омонимия рассматриваются как явление одного ряда, что не лишено основания: при характеристике грамматических омонимов невозможно полностью отвлечься от лексического значения слов, имеющих омонимичные формы. Возможно, стоило бы наряду с лексическими и грамматическими ввести понятие лексико-грамматических омонимов. Так, в словаре Ю. Н. Гребневой грамматическими омонимами признаются слова разных частей речи, совпадающие по написанию и произношению, но не связанные по лексическому значению. Может быть, такие слова следовало бы признать лексико-грамматическими омонимами? А грамматическими омонимами тогда следовало бы считать слова, которые в словаре названы функциональными омонимами: слова разных частей речи, совпадающие по написанию и произношению и этимологически родственные, например имя прилагательное приезжий (какой?) и имя существительное приезжий (кто?).

Возможность использования термина «функциональные омонимы» для обозначения омонимов особого типа, отличного от грамматических омонимов, вызывает сомнения. Ведь грамматическая

омонимия выявляется только в контекстах, пусть минимальных. Без контекста, например, мы не можем однозначно ответить на вопрос, какой частью речи является слово тепло, или на вопрос о том, что именно представляет собой словоформа молодой (это именительный падеж единственного числа прилагательного мужского рода или родительный падеж единственного числа прилагательного женского рода?). То есть грамматическая омонимия может быть выявлена только в условиях функционирования, выполнения определенных функций, поэтому все грамматические омонимы с этой точки зрения являются функциональными.

Подход к проблемам омонимии с позиций сходного и разного в языке мог бы помочь усовершенствовать классификацию омонимов в русском языке, более четко разграничить разные их типы. Обязательными признаками омонимов является их сходство в написании и произношении. Именно эти признаки будут основными для признания данных слов или словоформ омонимичными. То есть внешнее сходство – это необходимое условие существования омонимов. У омонимов могут быть и другие сходные признаки. Необходимым для признания слов или словоформ омонимами является также наличие признаков различия, то есть какого-то несходства. Количество признаков несходства тоже может быть различным. Таким образом, именно на определенном сочетании сходных и различных признаков и может быть построена классификация типов омонимов.

Лексические омонимы имеют, кроме совпадения по написанию и произношению, еще одно сходство – это слова одной части речи, отсюда совпадающие грамматические характеристики: категории рода, одушевленности/неодушевленности, числа, падежа и т.п. Однако омонимы могут быть неполными, если в какой-то категории у них возникают различия. Например, у омонимов град = город и град = вид осадков наблюдаются различия в категории числа: первое слово имеет соотносительные по значению формы единственного и множественного числа, а второе слово-омоним форм множественного числа не имеет, то есть омонимы будут неполными. Главное различие данных слов состоит в том, что эти слова не связаны друг с другом по лексическому значению. Это лексические омонимы.

Грамматические омонимы, кроме одинакового написания и произношения, имеют еще одно важное сходство – этимологическое родство, то есть они близки в лексическом плане (например, хорошо как наречие и как краткое прилагательное). Главные различия у этих омонимов проявляются на грамматическом уровне: это слова разных

частей речи. Отсюда будут следовать более частные различия этих слов, прежде всего по набору возможных грамматических категорий и морфемному составу. Так, у прилагательного хорошо (начальная форма хороший) четыре грамматические категории: числа, рода, падежа, сравнения – и две морфемы в составе: корень и флексия; а у наречия хорошо только одна грамматическая категория сравнения и вместо окончания – словообразовательный суффикс.

Лексико-грамматические омонимы – это слова, которые, кроме совпадения по написанию и произношению, других сходных черт не имеют, то есть их различие проявляется и на лексическом уровне (их лексические значения никак не связаны), и на грамматическом уровне (это слова разных частей речи). Например, деепричастие зря и наречие зря могут быть признаны лексико-грамматическими омонимами, но только в случае, если мы считаем деепричастия частью речи. Если же деепричастие будет рассматриваться как форма глагола, то это будут омоформы.

Мы затронули понятие омоформы, поэтому следует сказать о необходимости различать понятия омоформы и омонимичные формы слова. Сходство омонимичных форм проявляется, кроме общности написания и произношения, в том, что это формы из одной грамматической парадигмы, то есть «однопарадигмные» омоформы. Например, омонимичные словоформы имени существительного березы могут представлять формы именительного падежа множественного числа и родительного падежа единственного числа, то есть различия этих омонимичных форм будут касаться грамматических категорий числа и падежа, различия внутри одной парадигмы. Омоформы – это совпадающие по написанию и произношению формы разных частей речи. То есть различия в этом случае будут проявляться и на лексическом уровне (нет ничего общего в лексическом значении), и на общем грамматическом уровне (это разные части речи), а кроме того – это будет частный случай совпадения отдельных словоформ слова, то есть двух словоформ разных парадигм, «разнопарадигмные» словоформы. Например, *три* как числительное и *три* как форма второго лица единственного числа повелительного наклонения глагола тереть. Таких межпарадигмных совпадений может быть больше одного. Например, омоформы *светило* как форма существительного единственного числа среднего рода и *светило* как форма прошедшего времени глагола в единственном числе мужского рода могут иметь и другие межпарадигмные омоформы: *светила* – это и форма существительного именительного падежа множественного

венного числа, и форма прошедшего времени глагола единственного числа женского рода; *светил* – и форма существительного родительного падежа множественного числа, и форма прошедшего времени единственного числа мужского рода глагола. Видимо, учет количества сходных и разных признаков, на основе которых и строятся омонимические отношения, позволит создать более детальную классификацию типов омонимичных форм слов и омоформ.

Все вышесказанное о грамматической омонимии становится особенно актуальным, когда мы имеем дело со словами такой спорной части речи в русском языке, как слова категории состояния. Известно, что в истории русского языкознания подход к этим словам был различный. Так, А. Х. Востоков [Востоков 1831] включал эти слова в категорию глагола, а А. А. Шахматов [Шахматов 2010] употреблял по отношению к ним термин предикативные наречия. Л. В. Щерба [Щерба 1957], а вслед за ним и В. В. Виноградов [Виноградов 1986] признавали наличие слов категории состояния как особого разряда слов в русском языке. В «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980] слова категории состояния рассматриваются в рамках тех частей речи, которым эти слова омонимичны, и говорится об их обособившейся синтаксической функции. По-разному представлены эти слова и в современных вузовских учебниках [Морфология... 2013, Современный... 2002].

Видимо, различия в подходах к пониманию этих слов обусловлены прежде всего омонимией слов категории состояния со словами других частей речи. Однако следует помнить, что есть группа слов в русском языке, которые всегда выполняют предикативную функцию в безличном предложении (слова *надо, можно, нельзя, стыдно, совестно* и др.) и которые поэтому всегда можно отнести к словам состояния. В толковых словарях русского языка отмечается, что эти слова выступают «в значении сказуемого» [Ожегов 2001: 379]. «Русская грамматика» называет эти слова «предикативами» и ни в какую часть речи не включает [Русская грамматика 1980: 705]. Если признавать слов категории состояния частью речи эти «предикативы» включаются в нее.

Однако большинство слов, называемых словами категории состояния, имеют омонимы среди других частей речи: наречий, прилагательных, причастий, имен существительных. К какому же типу омонимов следует их относить? И может ли подход к проблемам грамматической омонимии с позиций выявления сходного и разного как-то помочь в исследовании этих слов?

Если мы признаем существование слов категории состояния как самостоятельной части речи, то очевидно, что большинство из этих слов будут являться грамматическими омонимами по отношению к другим частям речи. Признание их грамматическими омонимами возможно потому, что у них проявляется сходство в написании и произношении (*хорошо, доказано, лень*), сходство в семантике: в толковых словарях эти слова будут представлены в одной словарной статье и будет лишь отмечена возможность использования слова категории состояния в значении сказуемого. Например, в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: **Хороший**, 1. Вполне положительный по своим качествам, такой, как следует. *Хорошо* (нареч.) *поет. В лесу хорошо* (в знач. сказ.) *Мне хорошо* (в знач. сказ.). Или там же: **Лень**, -и, ж. 1. Отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью. *Побороть в себе лень*. 2. В знач. сказ., кому, с неопр. Не хочется, неохота (разг.) *Лень идти*.

Различия между словами категории состояния и омонимичными им словами другой части речи будут проявляться на грамматическом уровне. Прежде всего это различие будет выявлено на самом высоком морфологическом уровне: это разные части речи. Этим будут обусловлены другие различия, на которых базируется омонимия. Так, если слово категории состояния омонимично краткому прилагательному и наречию одновременно, то можно увидеть различия слова категории состояния и прилагательного на морфемном уровне: *хорош*^о: краткое прилагательное единственного числа, среднего рода, показатель – окончание *-о*; *хорош*^б: слово категории состояния, «о» в этом случае словообразовательный суффикс.

В морфемной структуре наречия и слова категории состояния различий не будет. Это отсутствие различий на морфемном уровне и наличие совпадающих словоформ степеней сравнения и позволяет исследователям включать слово категории состояния в лексику наречия. На синтаксическом уровне различия между этими грамматическими омонимами проявляются очень четко: имя прилагательное хорошо будет выступать в роли сказуемого двусоставного предложения (*Все хорошо*), наречие *хорошо* – в роли обстоятельства (*Анна говорит по-русски очень хорошо*), слово категории состояния – в роли главного члена безличного предложения (*Сегодня мне хорошо*). Именно на синтаксическом уровне, где, как уже отмечалось, только и возможно выявление омонимов, различие в функционировании слов категории состояния и других частей речи наиболее очевидно.

Если слово категории состояния омонимично имени существительному (*лень, время, охота*), то различия их, кроме частеречной принадлежности, будут проявляться на уровне морфемном (как слова категории состояния, эти слова будут неизменяемыми), морфологическом (слова категории состояния утратят категории существительного и его систему словоизменения) и синтаксическом (у слова категории состояния появляется не свойственная существительным функция главного члена безличного предложения), поэтому включение этих слов в лексему существительного едва ли уместно.

Таким образом, в случае признания слов категории состояния самостоятельной частью речи имеет место грамматическая омонимия этих слов и слов других частей речи. В случае распределения слов категории состояния по другим частям речи вопрос об омонимии не встает. Однако те существенные различия в грамматических признаках слов категории состояния и совпадающих с ними по звучанию и написанию слов, о которых речь шла ранее, говорят о том, что признание слов категории состояния особой частью речи было бы более последовательным. И в этом случае, принимая во внимание те признаки сходств и различий, которые должны учитываться при определении типа омонимии, следует признать слова категории состояния и совпадающие с ними слова других частей речи грамматическими омонимами.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. – М., 1986.
2. *Востоков А. Х.* Русская грамматика. – СПб, 1831.
3. *Гребнева Ю. Н.* Словарь омонимов и омоформ русского языка. – М., 2011.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1991.
5. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. – СПб, 2013.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2001.
7. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. – М., 1980.
8. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 2. / под ред. Е. И. Дибровой. – М., 2002.
9. *Холодов Н. Н.* За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991.
10. *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. 2-е изд. – М., 2010.
11. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Лобанова Татьяна Анатольевна, Хуан Цзин
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
lobanta@yandex.ru

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ *и* КАК АКТУАЛИЗАТОР ОТНОШЕНИЙ СХОДСТВА

Работа посвящена изучению семантико-синтаксических условий использования союза *и* в сложносочиненном предложении. Результатом исследования явилось установление статуса лексемы *и* как служебного слова, актуализирующего значение сходства.

Ключевые слова: союз *и*, сходство, семантико-синтаксические условия.

В одной из ранних работ Л. В. Щерба осторожно заметил, что если соотнести поэзию с музыкой, то «в слуховом образе» некоторые элементы «выступают для него с большей силой», некоторые с меньшей – потому что основная их задача – связать значимые элементы, играя роль упаковочного материала» [Щерба 1958: 58]. Под «упаковочным материалом» понимались служебные слова (союзы, предлоги, частицы).

В лингвистике последних десятилетий наметилась отчетливая тенденция исследовать функционирование неполнозначных слов. Для синтаксической науки характерен интерес к изучению семантико-синтаксического аспекта использования служебных слов, в частности союзов. Семантический аспект исследования позволил определить «семантическую структуру сочинительной связи (сочинительных отношений) как структуру, имеющую в своем составе два основных элемента: семантику сочинительных союзов, отражающую наиболее общие отношения, и семантику, складывающуюся в результате взаимодействия определенного лексико-грамматического наполнения компонентов» [Ларина 1987: 11]. За союзом закрепляется статус важнейшего средства выражения смысловых отношений синтаксического построения всех уровней: членами предложения, частями сложного предложения.

Новые возможности изучения сочинения позволили по-другому раскрыть суть выражаемых союзами отношений, в том числе союза *и*. Вопрос о семантической или асемантической союза *И* до недавнего времени решался однозначно: его относили к числу соединительных, а вопрос о его конкретном значении не ставился. А. М. Пешковский считал, что соединительные союзы образуют чисто нулевую скрепу [Пешковский 1956]. Авторы Грамматики – 70 утверждали, что союз *и* только указывает на наличие связей, никак не помечая их в семантическом плане [Грамматика 1970: 340–342].

В рамках метода-подхода, заключающегося в понимании языка как механизма, устроенного вокруг семантической дихотомии «тождество-различие» (А. Н. Стеценко, Н. Н. Холодов), ученые-синтаксисты доказали, что «все сочинительные отношения на высшем уровне абстракции связаны прежде всего со значением некоторой тождественности. В языкознании это нашло отражение в понятии «однородности», в логике – в понятии «координации». Соединительные отношения противопоставляются всем сочинительно-несоединительным отношениям тоже значением тождественности [Холодов 1985: 102–103].

В рамках проблемы сходств и различий. В рамках проблемы сходств и различий доказано постоянное значение союза *и* как выразителя семантики сходства. Подробно эта концепция изложена в трудах Н. Н. Холодова, его коллег и аспирантов. Анализ взаимодействия соединительной семантики союза *и* с лексико-грамматическим наполнением связываемых им компонентов позволил обнаружить разнообразие частных значений синтаксических построений с союзом *и*: собственно соединительных, соединительно-результативных, причинно-следственных, соединительного несоответствия, соединительно распространительных.

В данной работе материалом исследования явилась повесть А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». А. С. Пушкин – один из тех писателей, которых любит китайский народ. «Его художественный стиль, отличающийся искренностью, простотой, естественностью и ясностью, соответствует эстетическому вкусу китайских читателей» [Чжан Тефу Цзэн Цулинь 2002: 669]. В последние десятилетия в Китае возрос интерес к произведениям А.С. Пушкина. «Если до 80-х годов изучение творчества Пушкина носило лишь общий характер, то с 80-х годов оно идет вглубь» [Чжан Тефу Цзэн Цулинь 2002: 670].

Описание условий употребления служебных слов позволяет раскрыть механизмы, порождающие совокупность мыслей и чувств, сформированных текстом. Предметом исследования в данной работе явились семантико-синтаксические условия функционирования союза **и** в условиях сложносочиненного предложения с собственно соединительными отношениями. Такие предложения известны в науке больше всего как предложения с однородными компонентами. Собственно соединительные предложения с союзом **и** – это такие предложения, в которых семантика компонентов подается как в каком-то смысле одинаковая, сходная по отношению к некоему единому для них общему значению [Холодов 1975: 37].

Компоненты построения обнаруживают семантическое сходство не только в лексическом наполнении подлежащих и сказуемых (относятся к одной тематической группе «восход солнца»), но и в том, что каждый из них отражает явления с одинаковым аксиологическим значением. *Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя* [Пушкин 2007: 61]. Положительная оценка сосредоточена в денотативной семе, т. е. в лексическом значении сегментов конструкции. Компоненты, соединенные союзом **и**, характеризуются интонационным параллелизмом.

Что касается той общей семантики, по отношению к которой части собственно соединительных предложений осознаются одинаковыми, сходными, то она тоже может быть самой разнообразной. Эта семантика может быть выражена общими для них компонентами [Холодов 1975: 39].

1. Предложениями предыдущего контекста: *Все встали; отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закурил себе губы... Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава а *Gimbesile* торчали как фижмы у *Madame de Potradour*; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах.* [Пушкин 2007: 69]. Предложения предыдущего контекста раскрывают фоновые знания как такой компонент смысла, который является тем общим элементом, по отношению к которому компоненты синтаксической конструкции, соединенные союзом **и**, характеризуются единой экспрессией (отрицательная оценка).

2. Второстепенными членами: *Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание* [Пушкин 2007: 65-66]. Компоненты, соединенные союзом **и**, равноправны в семантическом отношении: сегменты относятся к одному семантическому плану: новизна впечатлений, о которой мечтали дворянские девушки в провинциальной глуши. Имплицитная пресуппозиция (надежда на перемены в однообразной деревенской жизни) порождает условия, формирующие общую положительную оценку: «приключение» – неожиданный случай в жизни [Словарь 1998: 592]; «эпоха в жизни»: «эпоха» – важный, значительный период [Словарь 1998: 912]; «гость» – тот, кто посещает, навещает кого-нибудь с целью повидаться, побеседовать, вместе провести время [Словарь 1998: 141]; «вечные воспоминания»: «воспоминание» – мысленное воспроизведение чего-н., сохранившегося в памяти [Словарь 1998: 99]. Сегменты конструкции характеризуются единством отношения к действительности: предикативные единицы имеют одинаковый видовременной план (объективная реальная модальность, настоящее синтаксическое время).

3. Служебными словами (союзами) и предложениями предыдущего контекста: *Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина, у него и гвоздем не вышибешь; но Алексей был в батюшку, и его столь же трудно было переспорить.* [Пушкин 2007: 74] Вне контекста в предложении с союзом **и** формируются причинно-следственные отношения. Однако логическая плоскость противоположности, формируемая союзом **но**, обуславливает привативную оппозицию по принципу разделения признаков на реальные и ирреальные [Лобанова 2000: 22]. Пресуппозиция предыдущего контекста противопоставлена семантике обоих компонентов сложносочиненного предложения с союзом **и**. Условие семантического, логико-смыслового тождества, возникающего в определенной конситуации с точки зрения актуальности сообщаемого, позволяет обнаружить однородность компонентов, находящихся в отношениях сходства, формируемых союзом **и**.

4. Главными предложениями: *Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек* [Пушкин 2007: 59].

Однородные придаточные изъяснительные (3 и 4) характеризуются параллелизмом расположения по отношению к главному

предложению. В коммуникативном плане сегменты, соединенные союзом **и**, равноправны и тождественны. Компоненты проявляют равноправие в отношении временного плана (настоящее время). В отношении цели высказывания повествовательные предложения тождественны в том, что выражают сообщение о намерении (желании) получить сведения о герое (Алексее Берестове).

Таким образом, частное собственно соединительное значение в построениях с союзом **и** создается за счет лексико-грамматического наполнения компонентов: сегменты характеризуются единством цели высказывания, единством отношения к действительности, к экспрессии, параллелизмом расположения их членов, параллелизмом типов и способов морфологического выражения последних, а также интонационным параллелизмом. Компоненты вышеперечисленных предложений подаются как равновеликие по своему содержанию и не связанные отношениями причины и следствия, общего и частного, присоединения. Соединительная семантика союза **и** согласуется с лексико-грамматическим наполнением компонентов и актуализирует отношения сходства.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 2. – М., 1970.
2. *Ларина Е. А.* Сложносочиненные предложения в русском литературном языке второй половины XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
3. *Лобанова Т. А.* Синтаксические условия функционирования союза *НО* в простом предложении: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2000.
4. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
5. *Пушкин А. С.* Повести. Романы / А. С. Пушкин. – М., 2007.
6. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1989.
7. *Холодов Н. Н.* Сложносочиненные предложения в современном русском языке: учебное пособие. Ч.1. – Смоленск, 1975.
8. *Холодов Н. Н.* Проблемы отношений аналогичности - неаналогичности в синтаксисе // Вопросы языкознания. – 1985. – №5. С. 68-67.
9. *Чжан Тефу Цзэн Цулин* Переводы и изучение Пушкина в Китае в последние годы // Русский язык, литература и культура в современном обществе: Матер. междунар. науч. конф, посвящ. 20-летию каф. практич. русского языка. – Иваново, 2002, С. 668–670.
10. *Щерба Л. В.* Избранные работы. – М., 1958.

Сакулина Елена Алексеевна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
sekleteya07@mail.ru

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТИВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ОДНОРОДНЫХ РЯДАХ С СОЮЗОМ *ДА*

В статье рассматриваются средства формирования противительной семантики сочинительного союза *да* на уровне простого предложения. Отмечается, что противительная семантика организуется за счет противопоставленности компонентов по линии аксиологических значений и по модально-временным каналам.

Ключевые слова: сочинительные союзы, простое предложение, противительная семантика, аксиологическое значение.

Сочинительный союз *да*, являющийся объектом нашего исследования, в современном русском языке существует в двух ипостасях: как *соединительный* и *противительный*. С одной стороны, он является своеобразным показателем отношений сходного, тождественного, аналогичного, с другой – показателем отношений различного, нетождественного, неаналогичного.

Как же осуществляется формирование противительной семантики союза *да* на уровне простого предложения?

Центральной, наиболее регулярной семантической особенностью однородных рядов с *да* является антонимическая противопоставленность сегментов по значениям аксиологического типа.

В русском языкознании интерес к оценочно-аксиологическим значениям как отражению соответствующего внеязыкового феномена прослеживается со второй половины XIX века и до настоящего времени. Большой вклад в разработку данной проблемы внесли Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, другие лингвисты, логики и философы.

Так, в логике понятие "аксиологическая оценка" (обязательно выраженная средствами языка) определяется как установление ценностного отношения между субъектом и предметом оценки, между характером оценки и основанием оценки [Ивин 1970].

Несмотря на имеющиеся серьезные теоретические исследования, научно-практическое освоение проблемы находится в стадии становления, поэтому неминуемо возникают трудности с терминологией. Вслед за Н. Н. Холодовым, Л. В. Кованцевой, В. Лиганом используем термины "оценочно-аксиологические" или просто "аксиологические" значения. Под этими терминами понимаются устанавливающиеся традиционно значения трех типов: "хорошо" (положительно, положительное), "плохо" (отрицательно, отрицательное), "нейтрально" (безотносительно к оценкам "плохо" или "хорошо"). Существенную трудность в исследовании синтаксических конструкций представляет выбор "субъекта оценки", т. е. того, с чьих позиций производится оценка, и выбор критериев, оснований оценки.

Единым субъектом оценки является автор высказывания. При выборе критериев оценки необходимо абстрагироваться от многообразия индивидуальных, эмоционально-психологических, политических и т. д. критериев и опираться на непосредственное восприятие, которое поддерживается общечеловеческим опытом понимания тех явлений, о которых сообщается в высказывании, с учетом условий контекста. Такой подход оправдал себя в диссертационном исследовании Л. В. Кованцевой.

Весьма важными представляются следующие положения:

1. В системе основных аксиологических значений на первом уровне абстракции нейтральное значение противопоставлено прежде всего двум другим, как не нейтральным. На другом, более конкретном уровне абстракции, значение "хорошо" противопоставлено значению "плохо" (или наоборот).

2. Нейтральное значение является "слабым", два других являются "сильными" аксиологическими значениями. Поэтому при соположении синтаксической единицы нейтрального (слабого) значения с единицей сильного значения первая или уподобляется аксиологически сильному значению или расподобляется с ним (диссимилируется, становится "менее подобной", противоположной по значению).

3. В сочетаниях *сочинительно-соединительного типа*, как актуализирующих в языке отношения *тождеств*, нейтрально слабое значение уподобляется аксиологически сильному значению, становится подобным, тождественным ему. В сочетаниях *противительного типа*, как актуализирующих отношения *нетождествен-*

ности (курсив наш – Е.С.), различия (согласно концепции тождеств и различий), наоборот, нейтрально слабое значение должно расподобляться и становиться противоположным аксиологически сильному значению [Кованцева 1990: 45–60].

Данные положения существенны для установления и описания аксиологических значений в однородных рядах с *да* противительным. Рассмотрим, как происходит актуализация противительной семантики в однородных рядах с *да* за счет аксиологически противопоставленных значений сегментов.

По замечанию Л. В. Кованцевой относительно союза *да* в ССП, для несоединительных (противительных) предложений с союзом *да* обычным является противопоставление оценок: 1) "хорошо – плохо", 2) "плохо – хорошо". Подобное утверждение оказалось справедливым и для однородных рядов.

Четкое противопоставление с *да* противительным обнаруживают модели "хорошо – плохо" и "плохо – хорошо". Исходя из анализа рассматриваемых конструкций можно заключить, что именно эти аксиологические модели и соответствующие однородные ряды типичны для языка (свыше 70% от общего количества однородных рядов с *да* противительным).

Приведем примеры моделей "хорошо – плохо", оказавшихся наиболее частотными (60%):

– Ты видишь... это уж так – и показала на узлы на полу, на голые стены, давая понять, что и рада бы держаться в уме, да не может (В. Распутин). Я думал, все обойдется, да в госпиталь загремел (М. Серова). Ребята вроде бы неплохие, да выпить любят (Т. Полякова).

Покажем, как организуется оценка в однородных рядах, соответствующих модели "хорошо – плохо":

1. Но скоро он опомнился, стал стрелять из пистолета, да не мог попасть и попятился по траншее (В. Астафьев).

2. Миша хлопнул себя по лбу, будто комара пришиб – он же и собирался сеть ставить, да, увидев меня, про все забыл, дубина такая, безголовая! (Он же).

В первом примере препозитивный сегмент несет информацию о начале действия (стал стрелять), постпозитивный сегмент сообщает о том, что результат не достигнут (не мог попасть). Из более широкого контекста становится понятным, что речь идет о Великой Отечественной войне. Молодой лейтенант, впервые столкнувшись с врагом, растерялся. В данном случае происходит совпадение авторской оценки и оценки субъекта. Солдат стал

стрелять, защищая свою землю, - это, безусловно, оценивается "хорошо", но он растерялся, испугался, не мог попасть по врагам – оценивается "плохо".

Во втором примере препозитивный сегмент сообщает о намерении (*собирался сеть ставить*), которое не реализовалось (*про все забыл*, то есть сеть так и не поставил) в постпозитивном сегменте. В контексте произведения "*собирался сеть ставить*" – оценивается "хорошо", а "*про все забыл*" – оценивается "плохо", т.к. герой рассказа живет в трудное послевоенное время, когда рыба – один из источников существования.

Однородные ряды, построенные по аксиологической модели "плохо - хорошо", менее частотны (10%). Покажем, как организуется оценка в рядах такого типа:

1. *Брешите, брешите, да меру знайте, капиталисты проклятые!* (А. Воронин).

2. *Это так ее обрадовало, что на ночь глядя она засобиралось было обратно, да слава богу, одумалась* (В. Распутин).

3. *Я правда, хотел было тогда же в воду, домой не заходя, да думаю: "Ведь уж все равно", и как окаянный воротился домой* (Ф. Достоевский).

Формирование и противопоставление оценок в первом примере осознается непосредственно и не нуждается в особом анализе.

Организация оценок в двух последних конструкциях происходит следующим образом: во втором примере постпозитивный сегмент оценивается "хорошо" благодаря лексическому наполнению: "*одумалась*" – т. е. пришла в себя, не совершила глупость и т. д. О положительной оценке сигнализирует и вводная конструкция "*слава богу*", содержащая ярко выраженную оценку. Препозитивный сегмент, на первый взгляд, оцениваемый "нейтрально", приобретает отрицательную оценку (диссимилиация). Еще большую определенность оценке придает контекст: женщина "*на ночь глядя*" засобиралась в непогоду в трудный, опасный для жизни путь.

В третьем примере организация оценки происходит за счет контекста. Автор показывает драму человека, который находится на пороге самоубийства. Но жизнь – это великий дар, и поэтому желание покинуть мир (хотел было в воду), безусловно, оценивается "плохо", а то, что удержало от греха (*думаю*), - "хорошо".

Анализ приведенных конструкций и статистические данные позволяют заключить, что основной спецификой таких построений является семантическое противопоставление их сегментов по

антонимически сильным значениям: "хорошо – плохо", "плохо – хорошо". Т. е. противительная семантика рядов находится "в согласии" с противительной семантикой союза *да*.

Наряду с аксиолого-антонимическими противопоставлениями семантика в однородных рядах с союзом *да* (противительным) может организовываться по модально-временным каналам.

Модально-временные противопоставления в однородных рядах с *да* противительным касаются только рядов с однородными сказуемыми. Именно сказуемые являются носителями предикативности. А модально-временные значения – это одна из важнейших характеристик простого предложения, своеобразные формы существования предикативности.

Формирование противительной семантики в однородных рядах с *да* организуется за счет противопоставления модально-временных отношений сегментов однородного ряда.

В плане модальных значений ряды однородных сказуемых с *да* характеризуются противопоставленностью. Как правило, левый (препозитивный) сегмент имеет ирреальную модальность, а правый (постпозитивный) сегмент – реальную модальность.

Основными способами выражения реальной – ирреальной модальности в рядах сказуемых с *да* являются следующие: 1) использование–неиспользование в сказуемых частицы *бы*, восходящей к формам 2, 3 лица единственного числа глагола **БЫТИ** в аористе; 2) использование конструкций, которые строятся по модели **ХОТЕТЬ** (мочь, решить, собраться и т.д.) +инфинитив... *да* и 3) использование конструкций, в которых препозитивный сегмент восходит к плюсквамперфекту (давнопрошедшему времени).

Приведем соответствующие примеры:

1. Нашла бы я денег-то и пол чтобы покрасить и стены в обои взять, да, ребята, так рассудила: ничего не менять (Ф. Абрамов).

2. Летом (он) обещался приехать в отпуск, да, видать, проштрафился – не пустили (В. Распутин).

3. Я, правда, хотел было тогда же в воду, домой не заходя, да думаю: "Ведь уж все равно", и как окаянный воротился домой (Ф. Достоевский).

Очевидно, что сегменты противопоставлены по модальным значениям (в каждом конкретном случае один из сегментов реальной модальности, другой – ирреальной), следовательно, модальность как грамматико-синтаксическая категория является средством

организации противительной семантики в рядах с *да*. Она типизирована как способ, широко распространенный в русской речи.

Обращает на себя внимание тот факт, что, являясь показателем нетождественного, несходного, неаналогичного, сочинительный союз *да* в конструкциях подобного типа обнаруживает свое собственное значение, которое С. О. Карцевский характеризует как "увещательное" [Карцевский 1961: 127].

По мнению И. Н. Кручининой, «в отличие от союза *но*, союз *да* может быть определен как *смягчительно-ограничительный*» [Кручинина 1988: 129]. Формирующееся с помощью частицы *бы* сослагательное наклонение и другие равноценные ему способы выражения (*бы* + инфинитив, *бы* + предикатив) так же действуют в направлении еще большего смягчения ограничительного значения связи.

Таким образом, формирование противительной семантики в однородных рядах с союзом *да* организуется прежде всего за счет аксиолого- антонимических и модальных противопоставлений.

Временная же семантика сказуемых не обнаруживает столь регулярной противопоставленности. Как правило, сказуемые сегментов в каждом конкретном случае тождественны. Они подаются либо 1) в плане настоящего, либо 2) в плане прошедшего, либо 3) в плане будущего времени. И поэтому данная категория не является характерным средством организации противительной семантики в однородных рядах с сочинительным союзом *да*.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
2. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение знаков "хорошо – плохо" // Вопросы языкознания, 1986. № 5. С. 98–106.
3. Ивин А. А. Основания логики оценок. – М.: МГУ, 1970.
4. Карцевский С. О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкознания, 1961. №2. С. 125–133.
5. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М.: Наука, 1988.
6. Кованцева Л. В. Аксиологические значения в семантической структуре сложносочиненных предложений современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1990.
7. Холодов Н. Н. За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991.

ПОЛИСЕМИЯ МОРФЕМЫ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Настоящая статья посвящена проблеме функционирования морфемы *при* русского языка и морфемы *to* английского языка. Рассмотрение идентичного инвариантного значения русской морфемы *при* как предлога и глагольного префикса, а также английской морфемы *to* как предлога и послелога обусловлено выявлением признаков формально-семантического сходства для данного класса слов на условиях отношения дополнительной дистрибуции. Формально-семантические признаки, образующие инвариантное значение, когнитивную модель морфемы *при* и морфемы *to* дают основание к выявлению универсального концепта, свойственного для исследуемых языковых единиц русского и английского языков. Этот концепт интерпретируется как ‘функциональное единство предметов, возникающее вследствие их приближения друг к другу до совмещения’.

Ключевые слова: когнитивная модель, морф, семема, функциональное единство, отождествление.

Соотношение предложно-приставочных элементов признается одним из актуальных вопросов и перспективных направлений современной лингвистики, одной из первоочередных задач [Филипенко 2000: 48], в основе которых лежит комплекс традиционных лингвистических интересов, связанных с проблемами выделения и тождества слова, многозначности. Относительно семантики предлогов и префиксов, к которым при комплексном их рассмотрении вполне корректно применить термин морфема, решение данных проблем осложняется тем, что, с одной стороны, как известно, морфемы не представляют собой самостоятельных единиц языка, будучи функционально и семантически привязанными к слову, с другой стороны, наличие у морфем значений не только грамматического, но и лексического характера уже не может отрицаться. Широко представлена, в частности в работах западных лингвистов, позиция описания морфемы – предлога и префикса – как обладающего прототипическим значением, из которого тем или иным способом выводятся остальные его значения [Пайар 2000; Evans 2006]. Такая позиция представляется вполне возможной,

принимая во внимание так называемую инвентаризацию различных значений морфемы с выявлением связи между этими значениями. С другой стороны, учитывая семантическую связь префиксов с предложениями, имеются все основания расширить спектр исследований как префиксов, так и предлогов попыткой выявить общее значение для обоих классов морфем. С этой целью представляется целесообразным остановиться на проблеме отождествления морфемы.

Не вдаваясь детально в непрекращающиеся по настоящее время научные дискуссии по вопросу понятия морфемы, представляется справедливым, вслед за Е. С. Кубряковой, выделить три очевидных признака в трактовке морфемы, а именно:

1 – морфема понимается как элементарная, простейшая, но не единственная единица описания на морфологическом уровне; она представляет собой минимальную и предельную единицу морфологического уровня;

2 – морфема рассматривается как единица знаковая, имеющая отношение к передаче разных типов лингвистического значения;

3 – морфема определяется как единица двусторонняя, и потому для ее характеристики оказывается равно важным как учет ее формы, так и учет ее значения.

Три этих пункта указываются нами взамен простого определения морфемы как мельчайшей знаковой единицы языка» [Кубрякова 2008: 11].

Процедура отождествления морфемы должна начинаться с отбора морфов, характеризующихся признаками формально-семантического сходства, и завершаться проверкой того, что называется диапазоном допустимого варьирования означающих и означаемых морфемы. В связи с этим представляется необходимым идентифицировать разницу терминов «морф» и «морфема». Морф выступает частным случаем морфемы и рассматривается как ее вариант, в случае если установлена принадлежность морфа к морфеме на условиях отношения дополнительной дистрибуции. Правило отождествления морфов одной морфемы гласит, что если морфы, проявляющие черты формально-семантического сходства, встречаются в одинаковом окружении, они могут рассматриваться как морфы одной морфемы в том случае, если замена одного морфа другим не ведет к изменению общего смысла конструкции. Если же замена одного морфа другим ведет к искажению смысла или его полному изменению, отождествления морфов произойти не может и морфы включаются в разные морфемы [Там же: 85]. Таким образом, если морф выступает как член определенного класса, то морфема выступает уже как представитель самого класса.

Процедура отождествления морфемы не зависит от конкретной сегментации текста, связанной с четкой классификацией уровней языковых единиц. Как указывает Е. С. Кубрякова, «отождествление морфов одной морфемы – это установление простейших отношений указанного типа [Кубрякова 2008: 68]. Показательно, что «объединение морфов в одну морфему отвечает тенденции описать первоначально наиболее элементарные из отношений между морфами языка. Такие отношения мы усматриваем в том, что одни морфы воспринимаются как тождественные, другие – как «близкие», третьи – как разные. Первые и вторые из указанных типов отношений могут в более широком плане рассматриваться как отношения между инвариантом и реализующими его вариантами. Этот подход, основанный на общей проблематике тождеств и различий, влечет за собой постановку и решение вопроса о том, что определяет основной стержень инвариантности морфемы, или, что то же, чем обосновывается единство целого класса единиц, морфов, группируемых в одну морфему [Кубрякова 2008: 68–69].

Обращаясь в «Основах морфологического анализа» к фактическому материалу, Е. С. Кубрякова отмечает тот любопытный факт, что в русском языке функции морфа при оборотах типа *дом при дороге, управление при глаголе* и т. п., отличаясь от функции морфа при конструкциях *придорожный, приглагольный* и т. п., не препятствуют тому, чтобы рассматривать эти элементы как морфы одной морфемы в силу несомненного семантического и материального тождества в целях компактного и экономного описания [Кубрякова 2008: 70].

Очевидно, что выделение префикса в качестве самостоятельного морфа обусловлено так называемой техникой объединения морфем в разных языках, в рамках которой выделяется тенденция, получившая в лингвистике образное название фузия. А. А. Реформатский охарактеризовал фузию, в частности, следующими признаками: многозначность морфем и их тесная связь вплоть до спайки, проявляющейся в наложении одного морфа на другой. Именно фузия, по мнению ученого, представлена в русском языке в глаголе *приду*, где корневой морф *ид-* совмещается с префиксом *при-* [Реформатский 1987: 67].

Подобное понимание морфемы дает возможность рассмотрения и исследования разноуровневых единиц языка, в частности, предлогов и глагольных префиксов, в рамках единого смыслового целого. Таким смысловым целым может быть, на наш взгляд, признан релятор как частная разновидность морфемы, обуславливающая интеграцию элементов – X и Y, отражающих в своей семантической структуре аспекты пространственно-временных отношений.

Это допущение подкрепляется наблюдениями и над чисто «внешними», формальными факторами отождествления языковых единиц, когда предлог и префикс имеют идентичную форму, например, единицы *при*, *у*, *от* и многие другие в русском языке и *over*, *on*, *up* и т. д. в английском языке функционируют как предлог и как глагольный префикс (или послелог).

Для выявления и описания прототипического значения морфемы-релятора мы используем термин «когнитивная модель» как понятие, позволяющее объяснить и спрогнозировать употребление конкретной языковой единицы в любом ее контексте, лексико-семантическом варианте и параметре в рамках схематизированного ментального образа, задаваемого каждым вариантом [ср. Беляевская 2005: 5, Evans 2006: 512]. Лексико-семантический вариант вполне закономерно, на наш взгляд, интерпретировать как «семема», поскольку употребление именно данного термина подчеркивает применимость семемы, в первую очередь, по отношению к морфеме, иначе определяемой «морфематическим моментом в слове» и имеющей функцию обеспечения «связности одного слова с другим» [Лосев 1993: 633]. Как представляется, именно эта корреляция морфемы и семемы дала основание Л. Блумфилду интерпретировать значение морфемы как семему [Bloomfield 1973: 166].

Учитывая же «полистатутность» [Кобрин 1956] морфем, обозначим функционирование морфемы как предлога и морфемы как приставки (послелога) терминами морф₁ и морф₂. Проиллюстрируем это на примере функционирования русской морфемы *при* и английской морфемы *to*, выражающих общую идею изменения положения в пространстве.

Примеры:

- (1) *Зарницкий пристегнул саблю и быстро вышел из барака* [Дмитриев].
- (2) *Вот счастье же приплыло ко мне неожиданно-негаданно* [Дмитриев].
- (3) *Она тихонько подошла и присела на кончик стула* [Дмитриев].

Отмеченные типы употребления приставки *при-* в русском языке сходны между собой в виду наличия у них «функционального единства» [Добрушина 2001: 46] основного элемента глагольной схемы и некоторой пространственной координаты. Однако понятие «функциональное единство предметов», очевидно, не может рассматриваться как реальное единство, предполагающее их непосредственный контакт. Оно может быть связано исключительно с восприятием предметов при приближении одного к другому или совмещении одного с другим, то есть с восприятием движения. Как считает, И. Рок, наряду с принципом, согласно которому изменения относительно

положения объекта определяют восприятие движения, действует еще один принцип: объект, который окружает или каким-либо иным способом доминирует над другим объектом, имеет тенденцию становиться системой отсчета и в таком качестве выглядит неподвижным [Рок 1980: 229]. Таким образом, единство в отношении к точке отчета как к активному источнику, единство частного в отношении к целому определяет семантику морфа₁ *при*.

Как показывает анализ материала, та же самая идея свойственна и семантике морфа₂ *при*, для которого, согласно трем основным типам отношений – пространственным, временным и функциональным [Пайар 2000: 160], понимаемым нами как моделируемые, попадающих в сферу предложной семантики, были выявлены соответствующие случаи употребления.

Основным пространственным семемой морфа₂ *при* является ‘около, возле чего-либо’. Пример:

(4) У Ганнибала **при** Каннах сил было вдвое меньше, чем у противника <...> [Марченко].

Как представляется, употреблением морфа₂ *при* в данном значении подчеркивается идея ‘единства предметов’, идея ‘точечности’, в отличие, например, от предлога *у*, исключающего контакт.

В своем временном значении морфа₂ *при* указывает на время, обстановку, обстоятельства событий, т. е. на единство события и интервала его протекания. Этот интервал, как правило, обозначен не конкретным временем, но осмысливается в рамках иного параллельного события. Очевидно, именно эта параллельность позволяет говорить о функциональном единстве событий. Ср.:

(5) Михеев уже пять лет стоял денщиком **при** молодом князе [Дмитриев].

(6) Однажды он, играя в карты, проиграл все деньги ... **при** расчете у него не хватило денег [Дмитриев].

С большей же степенью очевидности идея активной точки отчета представлена в моделируемых семемах исследуемой языковой единицы. Пример:

(7) Добрейший из государей, Александр, узнав о несчастной участи герцога <...> наложил по нем траур **при** дворе [Дмитриев].

В примере (7) морфа₂ *при* указывает на подчиненное, подсобное отношение к чему-либо или отнесенность к чему-либо. В связи с этим подчиненное событие (‘траур’) ассоциируется с частным, в то время как подчиняющийся предмет (‘двор’), очевидно, представляет собой активное начало, источник, целое в единстве своих частных элементов.

Что касается английской морфемы *to*, то для нее также представляется возможным выделить два морфа – морфа₁ как предлог и морфа₂

как послелог. При этом морф₁ *to* также включает в себя три основных типа отношений – пространственные, временные и моделируемые.

Семема времени морфа₁ *to* определяется отношением, когда начальный момент времени стремится к конечному моменту времени как к своему пределу, создавая, таким образом, феномен целостности, неразрывности. Подобное отношение может быть связано с пониманием времени как конкретного неделимого отрезка. Например:

(8) *Those five years – 1918 to 1923 – had been, he suspected, somehow very important* [Woolf].

Следовательно, семема времени морфа₁ *to* может быть интерпретирована как стремление X к Y как к своему временному пределу, цели, или *единство*, предполагающее определенный временной отрезок, или интервал.

Пространственная семема морфа₁ *to* определяется как ‘движение, перемещение субъекта в конечный пункт’.

(9) *I declare I wouldn't go to Bertha's without the Veal and Ham-Pie and things, and the bottles of Beer, for any money* [Dickens].

Таким образом, пространственная семема морфа₁ *to* сходна с семемой времени: имеет место функциональное *единство* основного элемента глагольной схемы и некоторой пространственной координаты.

Семемой, семантически тождественной пространственной семеме морфа₁ *to*, может быть признана семема «функциональное единство» («совмещение»). Событие, связанное с идеей функционального единства, создает единство из обрабатываемого процессом элемента. При этом роль глагола состоит в описании способа создания единства и тем самым в определении сути единства. Например:

(10) *It stuck to the premises of Gruff and Tackleton, like a barnacle to a ship's keel, or a snail to a door, or a little bunch of toad-stools to the stem of a tree* [Dickens].

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что морфема *to* может функционировать и как морф₂, соотносясь с основными семантическими параметрами, входящими в когнитивную модель данной языковой единицы. Примеры:

(11) *As the maid shut the door to, she felt the response to old devotions* [Woolf].

В данном примере подразумевается функциональное единство предметов – двери и косяка.

(12) *In the yard we found a brown horse already put to <...>* [Greenwood].

То, что лошадь оказывается запряженной, подчеркивает привязанность лошади к определенному месту, чем и создается функциональное единство предметов.

(13) <...> and sometimes when he looked up at the dark arched windows in the tower, he half expected to **beckoned to** by something which was not a Bell <...> [Dickens].

Употребление морфа₂ *to* относит действие *to beckon* ('заманивать') к определенному месту событий, также имплицитно идею функционального единства.

Таким образом, анализ конкретного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что морфема *pri* в русском языке и морфема *to* в английском языке актуализируют идентичный концепт при восприятии пространственных временных и функциональных отношений как на уровне функционирования их морфов, так и в аспекте межязыкового сопоставления. Данный концепт определяется как 'функциональное единство предметов, возникающее вследствие их приближения друг к другу до совмещения'. Это способствует выявлению и дальнейшему исследованию новых универсальных понятийных категорий, отражающих особенности и закономерности человеческого мышления в коллективах, являющихся носителями языков с разной структурой.

Литература

1. *Беляевская Е. Г.* Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2005. № 1. С. 5–14.
2. *Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д.* Русские приставки: многозначность и семантическое единство: Сборник. – М., 2001. 270 с.
3. *Кобрин Н. А.* К вопросу о союзных наречиях в современном английском языке // Учен. записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1953–1956. Т. XXI. Гл. II. Разд. 2. С. 39–50.
4. *Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа: На материале германских языков. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. 328 с.
5. *Лосев А. Ф.* Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. 958 с.
6. *Пайар Д.* К вопросу о значении предлога *sur* // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. С. 152–188.
7. *Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Лингвистика и поэтика – М.: Наука, 1987. С. 52–76.
8. *Рок И.* Введение в зрительное восприятие/ – М.: Педагогика, 1980. 312 с.
9. *Филипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. С. 12–54.
10. *Bloomfield L.* Language. – London, 1973. 566 p.
11. *Evans V.* Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // Cognitive Linguistics 17. – Berlin: New York: Walter de Gruyter, 2006. P. 491–534.